ДАГЕСТАН

№ 6 (9)

Еще один год позади. Примечателен он выборами в Госдуму, а для нас, дагестанцев, невосполнимой потерей — ушел из жизни Расул Гамзатов.

Только что отшумел его 80-летний юбилей. Много было сказано. Наш журнал посвятил ему сдвоенный номер. Но дагестанский поэт в ряду тех личностей, о которых сколько не говори, всего не скажешь. Он из тех, за которых все говорит просто его имя — Расул Гамзатов.

Он был одним из инициаторов создания нашего журнала. Вторым был министр по национальной политике, информации и внешним связям РД Магомедсалих Гусаев. Он тоже ушел из жизни в 2003-м. Его убили. Кому понадобилось лишать жизни открытого всем ветрам, прямого, честно исполняющего свои обязанности человека, пользующегося всеобщим уважением, до сих пор, несмотря на высказанные предположения, никому непонятно.

Эти две утраты коснулись нашего журнала очень близко. И никаких слов не хватит, чтобы выразить принесенную ими горечь.

Но жизнь продолжается. Впереди новый — 2004-й год. Будем надеяться, что он будет удачным для страны и нашей республики.

Всякий раз, вступая в Новый год, мы лелеем надежду.
Надежду на лучшее будущее.
Дети — наша надежда!..

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6(9)

ДАГЕСТАН

ноябрь/декабрь 2003

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана

Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД

Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ

Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук

Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР

Казбек СУЛТАНОВ,
литературовед

Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик

Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук

Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик

Арбен КАРДАШ,
поэт

Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Абусаид ЭЛЬДАРУШЕВ — память
Гайдар Баммат и его семья. 2

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ — проблема
Болтливый язык. 8

Динислам КАРДАШЕВ — мнение
Колорадо и Гургур-аул. 9

Джамал РАБАДАНОВ — журналистика
Компромисс. 11

Ирина ИЗОПЕСКОВА — музыка
Лев Толстой и Ширвани Чалаев: опера «Хаджи-Мурат». . . . 14

ЛИТЕРАТУРА

Максуд ЗАЙНУЛАБИДОВ — поэзия
Не возьмет меня грусть. 16

Газимагомед ГАЛБАЦОВ — проза
Сонет. 18

Фейзудин НАГИЕВ — поэзия
Суд совести. 24

Умукусюм ГЕРЕЕВА — память
Мой отец – Юсуп Гереев. 25

Елена БАКИДОВА — поэзия
Каждый тающий миг – это дар. 29

Муслим МАГОМЕДОВ — проза
Басни в прозе. 31

Супиянат МАМАЕВА — поэзия
Одиноко кружится земля. 33

Аминат АБДУЛМАНАПОВА — поэзия
Живи и здравствуй, добрый человек! 34

Шабан МАЗАНАЕВ — наследие
Духовная лирика Хутхулу Мухаммада. 35

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ — здоровье
Бальзам. 36

Кроссворд. 40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

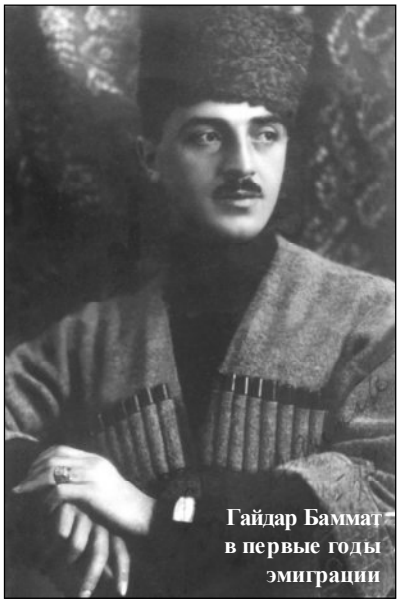
Усл. п. л. – 5. **Тираж – 1000 экз.**
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 15 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПАМЯТЬ



Гайдар Баммат в первые годы эмиграции

Абусаид ЭЛЬДАРУШЕВ

Гайдар Баммат и его семья

ОТ РЕДАКЦИИ. **Мы не уточняли сведения, приведенные в публикации, хотя допускаем, что специалисты найдут, возможно, какие-то несоответствия в деталях исторических фактов. Мы предоставили автору возможность рассказать о том, что стало ему известно, и так, как он это понимает. И сделали это потому, что изложенный фактический материал, в какой бы интерпретации он не подавался, на наш взгляд, до широкой публики до сих пор вряд ли доводился, по крайней мере – нам это не известно. Только – фрагментарно, только с купюрами и только в виде произвольно вырванных из контекста документов цитат, приводимых в подтверждение идеологически поставленной задачи. И поэтому впервые столь прозрачно и ясно (даже из подобного рода материала) становится видна расстановка политических сил (и их аргументация) в годы революции и гражданской войны в Дагестане. Ну и – само собой – становится лучше понятной сама фигура незаурядной личности Гайдара Баммата.**

И еще. Публикацию такого рода материалов инициировал постоянный автор нашего журнала, известный дагестанский ученый академик Шамиль Гимбатович Алиев. «Надо знакомить наших молодых современников с подлинной историей Дагестана, его выдающимися людьми. Наша перспектива – в прошлом…» – так вроде парадоксально он последней фразой сформулировал свою идею.

Впервые о Гайдаре Баммате я услышал от своей матери. Она рассказала о нем в связи с тем, что в 1945 году, когда меня собирались принять в партию коммунистов, из Комитета государственной безопасности (КГБ) в райком партии поступили сведения, что двоюродные братья моего отца – Гайдар и Абдуллатип – эмигрировали в 1920 году за границу. Но в моем родном ауле, Кафыр-Кумухе, что в Буйнакском районе, дали хорошую характеристику, и меня приняли в партию. И тогда мать рассказала мне все, что знала сама о моем односельчанине. С тех пор меня тянуло к Гайдару Баммату, я стал собирать о нем сведения. И вот теперь решил их обнародовать.

Как он сам писал в письме из Парижа в Махачкалу 24 августа 1961 года, его предок Алпулан был чеченцем из станицы Наурской в Чечне. В начале XIX века из-за кровной мести он был вынужден бежать из Чечни и осел на постоянное местожительство в селении Кафыр-Кумух Дагестанской области, где к тому времени проживал тоже чеченец – мой предок Эльдаруш (Телип Тойсиев). Что, видимо, предопределило его выбор.

Алпулан был очень крупного телосложения, высокого роста, а такие люди нужны были владельцу Кафыр-Кумуха – шамхалу Тарковскому.

На надмогильной плите на Кафыр-Кумухском кладбище указана родословная его семьи до Нажмутдина – отца Гайдара (Алпулан, Баммат, Темир-Булат, Гайдар, Темир-Булат).

Отец Гайдара, Нажмутдин, как указано в посемейных списках всероссийской переписи 1886 года (Даггосархив, ф. 21, опись 5, 27-е дело, ч. I А-Б, страница 672), в возрасте 23 лет (1863 года рождения) окончил Ставропольскую гимназию, впоследствии в чине поручика служил в царской армии, был начальником одного из аварских округов Дагестана и похоронен на Кафыр-Кумухском кладбище. В селении Кафыр-Кумух у него был дом, пахотные поливные земли, сенокосы, скота не было.

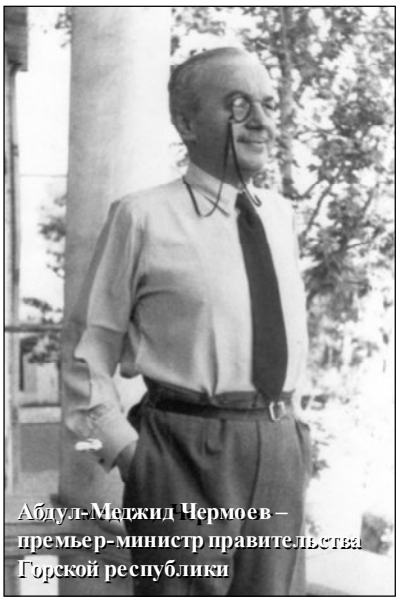
Его старший сын, Темир-Булат Бамматов, в 1912 году получил медицинское образование и работал в Темир-Хан-Шуре врачом. Он погиб от рук бандитов в горах и похоронен в Кафыр-Кумухе. А его младший сын, Гайдар Бамматов, родился 3 ноября в 1890 году в селении Кафыр-Кумух Дагестанской области. После окончания Ставропольской мужской гимназии в 1907 году, где вместе с ним в течение 10 лет учился мой дядя Эльдарушев Абу-Сеид (старший брат моего отца), Гайдар поступил в Париже на юридический факультет университета (Сорбонны). После его окончания вернулся в Россию и был чиновником по особым поручениям при наместнике на Кавказе в городе Тифлисе. Как рассказывала моя мать, Гайдар из Тифлиса в отпуск ежегодно приезжал в Кафыр-Кумух, к родителям, и очень был привязан к моему отцу, Абдулвагиду.

Мать Гайдара, Умрашират (похоронена в Париже на мусульманском кладбище), родом из села Нижнее Казанище. За селом, у реки Шура-Озень (между Халимбек-аулом и Кафыр-Кумухом) была у них водяная мельница, дом и сад. Я с моей тетей ходил на эту мельницу (уже колхозную) молоть кукурузу. Дом этот был небольшой и ничем не отличался от других домов в селе.

28 февраля 1917 года в канцелярию военного генерал-губернатора Дагестана поступила телеграмма из Тифлиса от чиновника по особым поручениям при наместнике царя на Кавказе Гайдара Бамматова о начавшейся революции в России. А 11 мая 1918 года в Батуми было сформировано правительство Союза горцев Северного

Кавказа и Дагестана, премьер-министром стал Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев (чеченец), а Гайдар Бамматов (кумык) стал министром иностранных дел.

Местопребыванием Горского правительства был выбран город Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в Дагестане, на родине Гайдара. Начавшаяся в России гражданская война застала руководителей Горского правительства на Парижской конференции, где они изъявляли желание стать самостоятельным государством, чего не хотели ни Деникин, ни большевики. Белогвардейская деникинская армия захватила Дагестан, а находившиеся в Париже Тапа Чермоев и Гайдар Бамматов после свержения Деникиным Горского правительства остались за границей. Вскоре и Деникин был свергнут большевиками.


Абдул-Меджид Чермоев – премьер-министр правительства Горской республики

Состав Горского правительства был таков: А.Чермоев – премьер-министр, А.Даидбеков – министр путей сообщения, Н.Тарковский – военный министр, П.Коцев – министр внутренних дел, И.Гайдаров – министр почт и телеграфа, Г.Бамматов – министр иностранных дел, В.Джабагиев – министр финансов, Н.Шахсуваров – министр просвещения.

Таким образом, Горское правительство просуществовало недолго – с мая 1918 по май 1919 года. В марте 1919 года в журнале «Муъалим сеслери» («Голос учителя»), №3, издававшемся в Темир-Хан-Шуре на арабском языке, был помещен портрет Гайдара Бамматова – 29-летнего молодого министра иностранных дел Горского правительства, его сопровождала подпись: «Из числа дагестанских величайших политиков – поверенное лицо из Дагестана на Парижском мирном конгрессе его превосходительство господин Бамматов Гьайдар-Аппанди».

В письме Гайдара Бамматова от 1 июня 1918 года Закавказскому правительству (Тифлис) говорилось, «Нотой от 20 мая (1918 г.) №22 я просил министра-председателя Закавказской республики и председателя Закавказской мирной делегации в Батуме господина Чхенкели вне зависимости от хода общих переговоров немедленно решить вопрос об открытии железнодорожной линии Батум–Тифлис и шоссейной – Тифлис–Владикавказ для следования на Северный Кавказ военного снаряжения, технических приспособлений и инструкторов, предоставленных Оттоманским правительством правительству республики Союза горцев Кавказа, для формирования значительной армии. Официального ответа на означенную ноту я не получил. В личных же переговорах со мною по настоящему делу господа Чхенкели и Николадзе подчеркивали полное принципиальное согласие Закавказского правительства с этой мерой и просили дать отсрочку на несколько дней для выяснения общего политического положения».

Возвратившись из Тифлиса после Февральской революции 1917 года, Гайдар Бамматов, как видно из приведенных выше документов, активно включился в политическую жизнь горских народов. Уже 1 мая 1917 года он был участником Первого съезда горских народов во Владикавказе, где формировался Союз горцев Северного Кавказа. Как представитель Союза горцев Северного Кавказа, он выехал в Москву на Всероссийский съезд мусульманских народов и 6 мая 1917 года выступил на этом съезде: «В ряду различных попыток разрешения (национальной проблемы. – **А.Э.**) мне представляется наиболее блестящей выдвинутая австрийской социал-демократией теория национально-культурной автономии».

Племянница А.-М. Чермоева Зайнаб - жена Гайдара Баммата

4 октября 1920 года в газете «Вольный горец», издаваемой в Тифлисе председателем Горского меджлиса, социал-демократом Ахмедом Цаликовым, который, видимо, тоже поселился в Тифлисе после захвата Деникиным Дагестана, было опубликовано Обращение А.Цаликова и Г. Бамматова к международной социалистической делегации в Тифлисе. Привожу полный текст этого документа.

«Обращение Социалистов Горских Народов Северного Кавказа к Международной Социалистической Делегации в Тифлисе (Грузии)

Великая Российская Империя создавалась железом и кровью на могилах разрушенных царств и на костях покоренных народов.

К числу покоренных силой оружия народов относятся и горские народы Северного Кавказа. В течение полувека они отстаивали свою свободу и независимость, свои очаги и земли от могучих завоевателей, надвигавшихся с Севера.

В августе 1859 года в восточной части Северного Кавказа, в Дагестане, пала твердыня горцев – Гуниб и вождь горских народов – Шамиль, ведший тридцать лет героическую борьбу за независимость Кавказа – был пленен, а в 1864 году на Западном Кавказе пал последний укрепленный пункт горцев – черкесский аул Апчисхой.

С этого момента Кавказ считался «замиренным», а горцы – «верноподданными» русских царей.

Царская власть, водворившаяся на Кавказе и больше чем полвека господствовавшая здесь, была организованным насилием над горскими народами. Это насилие было двойное: классовое и национальное.

В течение этого полувека горские народы были объектом административных экспериментов русской бюрократии, систематически и искусственно задерживавшей их культурное и экономическое преуспевание, убивавшей их национальное самосознание и разжигавшей их национальные страсти применением принципа divide et impera («разделяй и властвуй»).

Всеми мерами русская власть среди горских народов старалась убить воспоминание о героической эпохе борьбы за независимость и загасить

никогда не потухавшую в душе горских народов жажду свободы и национального самоопределения.

Грянула русская революция 1917 года. Рухнул царизм. И вместе с широкой массой русской демократии потянулись к свободе и горские народы.

Общность исторических воспоминаний, одинаковый бытовой уклад, одни и те же экономические и общественные навыки, общность религии повели к тому, что горцы при всем своем этнографическом разнообразии стихийно объединились и образовали Союз горских народов.

В день великого праздника пролетариата – 1 мая 1917 года – во Владикавказ съехались 400 делегатов от всех горских народов на Первый свободный революционный съезд. В порядке свободного волеизъявления съезд представителей горских народов Северного Кавказа провозгласил Союз горцев, как определенную политическую единицу и избрал Центральный Комитет, как руководящий исполнительный орган. В этот период российской революции образование Союза горцев было первой формой политического самоопределения горских народов.

Оставаясь политически лояльным по отношению к русскому государству, не стремясь выделиться из его состава, Союз горцев стал осуществлять свои культурные и национальные цели, базируясь на принципах революции и демократии.

Однако, по мере того как российская революция начала сходить с пути демократического строительства и становиться, с одной стороны, на путь большевистской анархии – это в центре России, а с другой – на юге России, реакционные генералы, создавшие так называемую «добровольческую армию», возымели желание реставрировать дореволюционную Россию. В результате на территории России началась небывалая по своим размерам в истории гражданская война. Политическая позиция горских народов стала изменяться в сторону все более решительного обособления от России. Обе полярные силы русской общественности в смертельной схватке между собой старались втянуть горские народы в процесс борьбы.

Но и силы русской реакции в лице пытавшихся воссоздать «Великую, единую, неделимую Россию» генералов, и силы революции в ее анархо-большевистской форме оказались одинаково чуждыми широким массам горского населения. Осуществляя незыблемые законные права народов на самоопределение и, руководствуясь естественным чувством физического самосохранения, горцы 11 мая 1918 года провозгласили, как и другие народы Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан) свою государственную независимость, образовав Независимую Демократическую Республику горцев Северного Кавказа. Первейшими своими задачами Демократическая Республика Союза горцев Северного Кавказа поставила изоляцию горских народов от страшной гражданской войны и устройство мирной государственной жизни населения на демократических началах.

Гайдар Баммат с матерью, женой и сыновьями. Париж. 1927 год.

Осуществиться этим справедливым домоганиям горцев суждено не было. Горская Республика оказалась между двух огней. И анархо-большевики и реакционные генералы одинаково старались взорвать Горскую Республику. Когда в 1919 году большевики принуждены были покинуть Северный Кавказ и по стопам отступающих большевиков на территорию горцев надвинулись добровольцы, то главнокомандующий добровольческой армией, поддерживаемый в своих задачах союзными державами, несмотря на все протесты представителей Горского правительства перед союзниками и, несмотря на заверения главнокомандующего союзными войсками на Северном Кавказе, без всякого повода и основания в осуществление своих империалистических целей открыл военные действия против республики Союза горцев Северного Кавказа. В результате добровольческая армия пошла по территории Горской Республики, оставляя после себя пепел аулов, убийства, грабежи, виселицы, изнасилованных женщин и оскверненные мечети. Под угрозой повешения и расстрела все честные труженики горских народов, работавшие над их национальным возрождением и культурным преуспеянием, должны были покинуть пределы Родины.

Вместо них ставились у власти реакционные генералы времен Николая Романова. Таким образом, все более захватывая территорию Горской Республики, добровольческая армия приближалась к столице республики Темир-Хан-Шуре, где в мае 1919 года силою оружия ликвидировала парламент Республики Союза горцев Северного Кавказа и правительство. Ярмо политического рабства было снова накинуто на шею горских народов реакционными генералами царизма.

Напрасно представители горцев старались воздействовать на дипломатических агентов Антанты, бывших на Кавказе. Эти представители, действовавшие от имени держав, провозгласивших лозунг защиты малых народов и права их на самоопределение, были всецело на стороне реакционного генерала Деникина и против свободолюбивых горцев, защищавших неприкосновенность своих очагов и право жить и дышать согласно своим собственным желаниям. Все лицемерие буржуазных дипломатов и их своекорыстие с неприглядной ясностью предстали перед горскими народами в трагических перипетиях их борьбы за свободу и независимость. Не только не встречая к себе сочувствия, но, наоборот, замечая явно враждебное отношение со стороны представителей держав Запада, горские массы, доведенные до отчаяния насилием и издевательствами русских сатрапов, разных генералов и полковников и своих собственных предателей, взялись за оружие.

В августе 1919 года в Дагестане и Чечне вспыхивают восстания, и в короткое время горные части Дагестана и Чечни очищаются от добровольчес-

кой армии. Движение это идет под знаменем образования Независимой Демократической Республики.

Восстание вспыхивает в тот момент, когда борьба добровольческой армии с большевизмом достигает апогея. Горская территория представляла из себя тыл деникинской армии, и большевики напрягают все силы к тому, чтобы использовать это движение в своих целях.

Восстанием горских народов захотело воспользоваться и Муссаватское правительство Азербайджана в надежде на империалистическое округление своих владений путем присоединения Дагестана. Само вмешаться непосредственно в борьбу азербайджанское правительство не решилось, чтобы не испортить своих отношений с Антантой, поддерживавшей Деникина. Оно наполнило Дагестан турками во главе с Нури-Пашой, надеясь с помощью турков осуществить свои империалистические задачи. Турки пользуются поддержкой Муссаватского правительства Азербайджана, большевики, просочившиеся в Дагестан, – Советской России. Обе эти группы объединяются в борьбе против демократического самостийного движения горцев и ввиду того, что располагают большими материальными средствами, одерживают над этим течением победу. Но, одержав победу над горским самостийным движением, вчерашние союзники – турки и большевики – схватываются друг с другом, так как политические задачи, преследуемые ими, оказываются противоположными. Борьба между Советской и Азербайджанской ориентацией заканчивается разгромом турок, вынужденных во главе с Нури-Пашой бежать из Дагестана. Власть захватывают в свои руки большевики.

Этот момент совпадает с гибелью дела добровольческой армии на Северном Кавказе и с подходом красноармейских сил из России к горам Кавказа. На территории горских народов воцаряется так называемая рабоче-крестьянская власть.

Те самые большевики, которые устами наркоминдела Чичерина и других представителей советской власти в момент борьбы горских повстанцев обещали горским народам предоставить право полного национального самоопределения вплоть до независимости и отделения от России, как только выяснилась их победа над Деникиным, с цинизмом, которому мало примеров, попрали свои торжественные обещания. В крае со слабым развитием капитализма, с господствующим натурально-меновым хозяйством, низким уровнем культуры и патриархально-бытовым укладом, с малодифференцированным в классовом отношении населением, начинают прививаться идеи большевистского коммунизма. Ввиду того, что для осуществления этих идей нет ни объективных, ни субъективных предпосылок рабоче-крестьянская власть в крае, чувствуя шаткость своего положения, становится на путь массового террора, стараясь вбить свои идеи в сознание народа штыками пришлых русских красноармейцев. Нет более трагикомического зрелища, как попытки внедрения лжекоммунистических идей большевизма в жизнь горских народов.

Младший сын Гайдара Баммата Темир-Булат с женой Марианной. Париж. 1980 год.

Организованное насилие выживших из ума генералов времен добровольческой армии, стремившихся штыками русских солдат вернуть население к рабскому состоянию времен царизма, сменяется теперь не менее кошмарным насилием безумцев анархо-большевизма, стремившихся внедрить идеи своего лжекоммунизма в сознание и жизнь населения, у которого нет в прошлом ни опыта культурной политической борьбы, ни соответствующей подготовки, ни каких бы то ни было стимулов к восприятию коммунистических идей русского большевизма. Чем настойчивее анархо-большевики стараются перестроить жизнь горцев на свой лад, тем все более и более встречают сопротивление со стороны этих народов.

Взрывы возмущения уже начались, и не далек тот час, когда в ответ на лжекоммунистические эксперименты большевистских комиссаров горские народы ответят общим восстанием.

Чем ненавистней становится горским народам весь тот политический сумбур и вся та общественная и экономическая неурядица, которые вносят в их жизнь большевики, тем ярче сияет в их сознании идея национальной независимости и самостоятельного государственного правительства.

Мы, социалистический авангард горских народов, отражая интересы трудовых масс, считаем своей исторической задачей оформить этот стихийный процесс освободительного движения горских народов на основах последовательного демократизма в предвидении социализма, – этой ближайшей мировой задачи нашей эпохи.

Мы думаем, что демократическая школа – необходимое преддверие, неизбежный этап в царство социализма. Самоутверждение трудовых масс каждого народа в их государственной суверенности мы считаем высшим проявлением демократизма. Свободный союз свободных народов, больших и малых – светлой будущностью человечества. Творцом этой будущности является мировой пролетариат.

Борьбу за независимую демократическую республику Союза горцев мы считаем неизбежным этапом на пути этих народов к светлым идеалам человечества. Лозунгом настоящего момента для горских народов мы выдвигаем созыв на основах всеобщего избирательного права, при условиях всех демократических гарантий, верховного органа горских народов, который должен быть воплощением их суверенных прав, который определит их государственное бытие и политические судьбы.

Приветствуя на почве Кавказа вас, представителей Западно-Европейско-

го социалистического движения, вас, наших учителей в борьбе за раскрепощение человечества, мы в то же время льстим себя надеждой, что настоящий голос наш о той борьбе, которую мы ведем в глухих трущобах кавказских гор против гнета и насилия над свободной волей народа, будет доведен до сведения Западно-Европейского пролетариата, этого единственного носителя в нашу эпоху всех ценностей и всех лучших надежд измученного человечества.

Эта вера в сочувствие западно-европейского пролетариата – авангарда человечества – удесятерит нашу энергию в тяжелых испытаниях нашей борьбы.

Раздавленная сапогом русского красноармейца-большевика, демократия республики Союза горцев Кавказа апеллирует в вашем лице, члены международной социалистической делегации, к пролетариату Европы. От имени социал-демократии республики Союза горцев Северного Кавказа и по уполномочию редакции социал-демократической газеты «Вольный горец» (на русском языке), «Янги дуния» (на тюркском языке) и «Ног цард» (на осетинском языке) – Ахмед Цаликов. От имени независимых социалистов Республики Союза горцев Северного Кавказа – Гайдар Баммат». /Газета «Вольный горец», №56, 4 октября 1920 г./

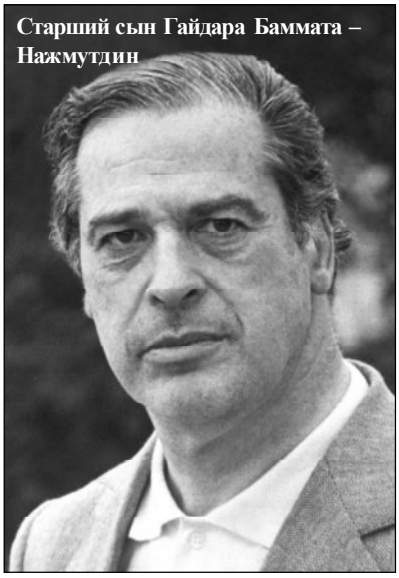
Сейчас, в период реформ и становления нового мышления, вышеприведенное «Обращение социалистов горских народов Северного Кавказа к международной социалистической делегации в Тифлисе» имеет, я думаю, актуальное значение. Многие нынешние теоретики и политики начали высказывать мысли, которые владели 70 лет тому назад лидерами социал-демократии горских народов Ахмедом Цаликовым и Гайдаром Бамматом.

ГАЙДАР БАММАТ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В 1919 году в Лозанне (Швейцария) Гайдар Баммат написал книгу "Le probleme du Caucase" («Проблемы Кавказа»). В 1929 году в Париже он написал книгу "Le Caucase et la revolution russe" («Кавказ и русская революция»). Об этих книгах доктор исторических наук, профессор Б.У.Кашкаев упоминает в своем труде «Гражданская война в Дагестане 1918-1920 гг.» (Москва. Изд-во «Наука». 1976. С. 284.)

В Дагестанском книжном издательстве вышли из печати произведения бывшего полковника КГБ Дагестанской АССР Сфи-Бубы (Сфибуба Сфиев), посвященные, в основном, деятельности северокавказского национального комитета за границей под названием «Кавказ». Так, изданы книги Сфи-Бубы: «Пароль "Седой Каспий"» (1967 г.), «Перебитый панцирь» (1970 г.), «Кавказская крепость» (1978 г.), «Нищие духом» (1982 г.). В этих «трудах» Сфи-Буба под именем «Хараев» выводит Гайдара Баммата.

В книжке «Перебитый панцирь» главным героем произведения выведен


Старший сын Гайдара Баммата – Нажмутдин

Делибей (под ним подразумевается дагестанец Осман Саид-Нуров из селения Эрпели). Автор книги указывает, что с 1935 года (через два года после прихода Гитлера к власти) в Германии была создана из бывших эмигрантов эмигрантская организация «Кавказ», и Гайдар Баммат (Хараев) был избран председателем этой организации. Сфи-Буба отмечает, что Гайдар Баммат издавал и журнал «Кавказ» на немецком и французском языках.

В достоверности фактов, приведенных в произведениях Сфи-Бубы, я сомневался. Не мог, считал я, Гайдар Баммат служить немецким фашистам. Он как невозвращенец, постоянно проживая в Париже до 1938 года, занимался публицистикой и жил честным трудом. В 1956-1961 годы органы КГБ узнали, что Гайдар Баммат издал новую книгу «Лики (черты) Ислама». В те годы КГБ усиленно вел борьбу с религией, и издание такой книги Гайдаром было не по душе нашим чекистам. Для связи с Гайдаром Сфи-Буба по указанию Адукова (бывшего председателя КГБ ДАССР) собирался ехать в Париж с проживавшим в Махачкале двоюродным братом Гайдара – Зейналом Бамматовым.

Начиная с 1985 года, с приходом к руководству страной Горбачева, свобода у нас постепенно становилась объективной реальностью. Я решил поехать в Париж и проведать своего троюродного брата Темир-Булата, единственного оставшегося в живых человека из семьи Гайдара Бамматова, его младшего сына. Перед отъездом в Париж, в марте 1990 года, я встретился с автором книг о Гайдаре Баммате – Сфи-Бубой Сфиевым (тогда он работал начальником криминалистической бухгалтерской экспертизы). Сфи-Буба честно сказал, что Гайдар Баммат против советской власти никаких действий не совершал и в своих книгах он допустил художественный вымысел. Он подробно рассказал, как он с Зейналом собирались ехать в Париж, как в течение нескольких месяцев они готовили Зейнала в Москве, но потом Зейнал стал капризничать, и поездка в Париж не состоялась.

Убедившись, что Гайдар Баммат не сотрудничал с фашистами, мы с женой поехали в Париж. Как нам рассказал его сын Темир-Булат, в Париже вместе с Гайдаром Бамматом оказались Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, его (Абдул-Меджида) брат – Абдул-Муслим Чермоев, жена Абдул-Муслима, сын Абдул-Муслима Магомед-Амин и дочь Абдул-Муслима Зайнаб. В 1921 году Гайдар женился на дочери Абдул-Муслима Чермоева – Зайнаб, которая была моложе Гайдара на 15 лет.

Гайдар в Париже занимался журналистской деятельностью, выступал с лекциями перед публикой, иногда носил свою национальную одежду, любил ездить верхом. А Зайнаб была домохозяйкой, дома занималась портняжеством. Ее дед Арцу Чермоев был генералом русской армии, участником русско-японской войны 1904 года, а ее отец Абдул-Муслим и дядя Абдул-Меджид (Тапа) – оба были офицерами «Дикой дивизии» в русской армии. В 1922 году Зайнаб родила Гайдару сына, его назвали в честь деда – Нажмутдином, а в 1925 году родила второго сына, его назвали Темир-Булатом, в честь старшего брата Гайдара – Темир-Булата, похороненного в селе Кафыр-Кумух в 1920 году.

До 1938 года, проживая в Париже, Гайдар Баммат с семьей жил на квартире по адресу: RUE 10 Plelo в 15-м округе. С ними жила домработницей одна русская женщина, очень добродушная и простая. В 1938 году Гайдар Баммат, оставив журналистскую деятельность, уехал из Парижа в Швейца-

рию, где работал в афганском посольстве в Лозанне. В Париже оставалась одна домработница. Что послужило причиной переезда Гайдара из Парижа в Швейцарию, Темир-Булат не знал. Мне представляется, что он предвидел нашествие Гитлера на Францию и решил переехать в нейтральную Швейцарию. Думаю, что Гайдар ненавидел фашизм, и поступил он очень умно. Сыновья его, Нажмутдин и Темир-Булат, в Швейцарии окончили гимназии, а в дальнейшем Нажмутдин закончил юридический факультет Сорбонского университета в Париже, а Темир-Булат, окончив в Цюрихе политехнический институт и получив специальность инженера авиации, тоже вернулся в Париж в 1954 году.

В 1948 году Гайдар с семьей возвратился из Швейцарии в Париж и жил с женой на старой квартире. Будучи в Швейцарии, в 1946 году в Лозанне он написал и издал там же книгу «Visages de L'islam» («Лики Ислама») на французском языке. В 1948 году в Лондоне вышел арабский перевод этой книги. В 1958 году в Лозанне вышло второе, дополненное издание этой книги на французском языке. В 1949 году сын Гайдара Нажмутдин был принят на работу в ЮНЕСКО (в Париже) и проработал в этой организации 30 лет, до 1979 года, координатором Генерального директора ЮНЕСКО. Он много и часто ездил по миру и побывал почти во всех мусульманских странах. И написал такие социологические книги, как «La Mecque et Medine aujord' hui» – «Мекка и Медина сегодня» (Париж, 1980), «Cites D'islam» – «Города Ислама» (Лозанна, 1987).

У Нажмутдина была богатая личная библиотека. Он умер внезапно, от сердечного приступа, в январе 1985 года. По завещанию брата Темир-Булат передал в Стамбульскую национальную библиотеку все его книги.

В 1956-1961 годах Гайдар переписывался с Зейналом Бамматовым, проживавшим в Махачкале. В одном из писем Гайдар сообщил Зейналу, что по настоянию сыновей он собирается писать свои воспоминания (письмо от 16.08.61 г.). И действительно, 1 января 1962 года он начал писать «Мои воспоминания». Когда мы были в Париже (28 мая – 8 июня 1990 г.), я ознакомился с переводом, сделанным Темир-Булатом с французского на русский. Всего он успел написать только 14 страниц. В предисловии Гайдар дает характеристику своим сыновьям – Нажмутдину и Темир-Булату, отмечает, что в выборе профессий дал им полную свободу. Нажмутдин избрал профессию отца – стал юристом, а Темир-Булат стал авиаконструктором. Отец был доволен сыновьями. Как рассказывал нам Темир-Булат, отец его в последние годы часто болел, поэтому и не сумел довести свои мемуары до конца. Он умер от кровоизлияния в мозг в 1965 году (страдал грудной жабой).

В тот год я узнал о смерти Гайдара от моего товарища Зайналбека Идрисова. Он в составе «Лезгинки» ездил в Турцию на гастроли и в журнале «Свободный Кавказ» видел некролог с портретом Гайдара. В Париже я подробнее узнал о жизни Гайдара. Он никогда не курил, очень много работал, занимался умственным трудом. До отъезда в Швейцарию в 1938 году на него было дважды совершено покушение. Сегодня известно, как агенты Сталина охотились за границей на политических противников и убивали неугодных Сталину людей. Но Гайдар всегда был начеку, носил с собой пистолет и сумел выжить. Он ушел из жизни в возрасте 75 лет. Его сыновья – Нажмутдин и Темир-Булат – еще не женатые, очень хорошо зарабатывающие, очень заботились о своих родителях. Они похоронили отца с почестями и поставили ему мраморную надмогильную плиту.

Мать Темир-Булата, Зайнаб, пережила своего мужа на 12 лет. Но и она последние годы часто болела и два года пролежала парализованной. Умерла она в 1977 году в возрасте 72 лет. После смерти Зайнаб Нажмутдин остался в квартире один, так как он не был женат и не имел детей. А младший сын Зайнаб, Темир-Булат, за 3 года до ее смерти, в 1974 году женился на Марианне (швейцарке по происхождению) и жил отдельно от матери. Марианна очень хорошо относилась к Зайнаб, часто навещала ее.

Темир-Булату тогда в Париже было уже 65 лет, детей не было, а за три года до этого он перенес операцию на сердце. С Марианной, чувствовалось, он был счастлив. Они купили 5-комнатную квартиру на RUE 2 Pascal в Париже, у них был собственный легковой автомобиль «Opel». Чувство глубокого уважения к нему у меня проявилось особенно, когда я узнал его ближе. Он был обаятелен, у кумыков говорят: «Нуьр яллай бетинде» – вся доброта на лице. После окончания вуза он многого достиг в самолетостроении. У него и тогда в квартире было много толстых папок с чертежами… Темир-Булат, видимо, подорвал свое здоровье. Но благодаря Марианне он, будучи уже на пенсии, временами ходит на службу, участвует в работе по конструированию новых самолетов.

Абусаид Эльдарушев со своей женой и Марианной. Версаль. 1990 год.

Мы пробыли в гостях у Темир-Булата 10 дней, и у нас осталось много впечатлений. Я возвращался домой убежденный в правоте идей Гайдара Бамматова и привез с собой его книгу «Лики Ислама», намерен перевести ее на русский язык и распространить среди мусульман Северного Кавказа. Я убедился также, что Гайдар Бамматов оказался очень дальновидным человеком, и ни в каких антисоветских и антибольшевистских центрах не участвовал. Ни в «Северокавказском антибольшевистском национальном центре» в Мюнхене, ни в «Северокавказском национальном центре» в Стамбуле.

В последние годы жизни он молился Аллаху и совершал намаз. Я преклоняюсь перед его талантом и горжусь тем, что он за границей не примкнул ни к каким антисоветским организациям, создал здоровую семью, воспитал умных сыновей и пользовался огромным авторитетом в мусульманском мире.

Ассаламу алейкум ва Рахматуллагьи ва Баракату.

ПРОБЛЕМА

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

Болтливый язык

Предлагаем вниманию читателей статью дагестанского писателя Зульфукара Зульфукарова, написанную в уже далеком 1987 году. Обеспокоенный состоянием языка русской литературы и отсутствием возможностей для публикации достойных того произведений, он написал ее, но свет эта статья тогда не увидела. Редакция сочла важным ее опубликовать, поскольку в редактировании литературных произведений если что и изменилось с тех пор, то только в худшую сторону.

Приглашаем всех заинтересованных (и задетых за живое) лиц высказаться по этой теме на страницах журнала.

Маяковский как-то сказал, что скоро русский язык сможет понимать лишь очень грамотный француз. Агитатор и горлан ошибся. Чтобы понимать русский язык, нужна бригада из очень грамотных грека, немца, итальянца, француза, еврея во главе с татарином. Русского не требуется, поскольку в русском языке днем с огнем надо искать русские слова.

Хотите верьте, хотите проверьте: в орфографическом словаре для средней школы (русской, естественно) попробуйте всего лишь на букву «А» отыскать 5 русских слов. Из 500! Нуте-с!

Деградированный усилиями ЦК КПСС и его прихвостнями – редакторами, писателями, журналистами, актерами, дикторами, преподавателями – язык добил такой великий грамотей, как товарищ Горбачев. Залп из плюрализмов, консенсусов, брифингов, конверсий, человеческих факторов и социализмов с человеческим лицом и пр. пополнил лексикон. Единственное русское слово, которое знал сей гений перестройки – извиняюсь. Извинял сам себя. Он мог **одеть пальто**, **ложить книгу**, **устраивать учебу директоров**. Он мог все…

А я не мог. Не мог даже робко намекнуть на бедственное положение того самого русского языка, на котором я был вынужден писать книги. Впрочем, я не мог в горбачевских масштабах, в имперских, но в дагестанских – мог. Я одно время обретался ответсекретарем Союза писателей Дагестана и вовсю пользовался своим служебным положением во благо русского языка. Прямо Корней Чуковский республиканского калибра…

В «Советской культуре» появилась статья Нины Велиховой – «Укрощение языка». В этом гласе вопиющего в пустыне слышалась боль: «Человек получил ущербный, искаженный, обнищавший язык». Беловы, Бондаревы, Ивановы, Алексеевы, Куняевы, Распутины и иже с ними, ратующие за чистоту русского языка и расы, в дремучем невежестве своем даже не подозревают, что сами-то они и загрязняют язык, и так давно грязный, и раса-то руссов со смертью последнего из Рюриковичей исчезла, оставив для руководимых ими разноплеменных масс только название и тот язык, который эти массы называют русским, веками старательно превращая его во «французско-нижнегородский диалект». Ведь и национальности такой не было и нет – «русский». Русский снег, русская водка – пожалуйста, но…

Вышло в свое время роскошное подарочное издание эпопеи А. Иванова «Вечный зов». Тираж – 300000. Это – десятое издание (?!). Всего 3 миллиона увесистых двухтомников в 1500 страниц! Восьмое или девятое издание печаталось тогда, когда по всему СССР велись безуспешные поиски бумаги на публикацию романов Дудинцева, Рыбакова, Гроссмана… Я сию «эпопею» беру в качестве замусоренности языка потому, что она отмечена Государственной премией СССР и званием Героя Социалистического труда для автора, предполагая собой образец для вольного или невольного подражания: мол, надо так писать, надо так говорить, как написано в столь высоко оцененном и так сверхшироко издаваемом «произведении». Не буду ссылаться на страницы. Это заняло бы слишком много места. На любой странице «эпопеи» вы найдете то, о чем пойдет речь. Черпаю пригоршнями из «Вечного зова», выпущенного «Советским писателем».

Раскрываю один из томов и беру наугад словосочетания, где слово «сторона» лишнее или его можно заменить коротким «на» или более коротким «к»: «Оттащил Лизу в сторону от дверей»; «Свернула в сторону, туда, где…»; «Повалился столбом в сторону, на Ивана»; «Щукой метнулся в сторону… потом откатился в сторону… где в стороне трещала перепелка… разметав в стороны руки». (В одном абзаце – шесть «сторон»!) «Озираясь по сторонам, кучерявый направился в сторону озера»; «Надо идти в сторону реки… зашагал в сторону реки»; «Обошел стороной»; «Оглядел по сторонам». Перл: «Оглянулся по сторонам»; «Озираясь по сторонам, Иван направился в сторону леса». Во всех примерах «сторона» не только лишняя, но вопит об элементарной неграмотности автора и редакторов.

Еще хуже, когда вместо того, чтобы написать «село окружили», изображается круг из сторон: «Село окружили со всех сторон». Три последних слова не только лишние, но окончательно губят репутацию автора и редакторов. А этот перл: «Холм окружен с трех сторон». Открытие в математике: круг из трех сторон!

Хотя я и приверженец, что гармонию нельзя поверять алгеброй, эту «гармонию» все же рискну проверить простейшей арифметикой. Если считать, что в среднем на каждой странице по 3-4 ненужных, лишних, портящих язык «сторон», то в «эпопее» их 5000, то есть – печатный лист! 10 изданий с трехмиллионным тиражом – бумаги хватило бы на издание романов Дудинцева, Рыбакова, Гроссмана, всех опусов Горбачева, Черненко и писателя номер один Брежнева!

Из-за обилия лишних слов типа «какой-то», «почему-то», «где-то», «будто», «как-то» создается впечатление расплывчатого, неточного. Например: «увидел какой-то лагерь», «почувствовал какую-то неясную обиду», «ощутил какую-то внутреннюю ярость», «как-то странно», «как-то угрюмо», «почему-то сказал», «какая-то тоска», «что-то надломилось», «где-то сбоку», «где-то на полу», – и так без конца.

Тут никакими нюансами не пахнет. Писатель прикрывает свое неумение сказать точно и определенно. На 266-й странице первого тома таких словес семнадцать. Если взять даже половину из них на каждую страницу, получим экономию еще в два с половиной печатного листа. Бумаги хватило бы с избытком, чтобы дать путевку в жизнь минимум сотне молодогвардейцев-поэтов, которых автор по должности «опекает».

Страшно много ЛИШНИХ слов привлекается на обслуживание явно ИЗЛИШНЕЙ комментаторской роли автора. Персонаж сказал: «Да». Читатель

видит, слушатель слышит, что персонаж согласен. Персонаж может вдобавок и кивнуть, если у него такая привычка. Писатель же, как низкопробный телекомментатор, не доверяющий глазам зрителей, нагромождает кучу ЛИШНИХ неграмотно связанных слов: «Да, – коротко согласился он и утвердительно кивнул головой». Даже невооруженным глазом видно: из 8 слов 7 (?!) лишние. Не возьми автор на себя еще и должность комментатора и его «эпопея» стала бы стройнее на печатный лист…

Нет страницы, где не было бы лишнего слова «молча». Коли автор не дал персонажу слова, персонаж нем, аки рыба. Автор же преподносит нам эдакое: «молча, не проронив ни слова». А уж о «молча дышал»», «молча слушал» (может быть, есть такие люди, которые слушают, горланя песни или выкрикивая команды?), «молча взял», «он не ответил, он просто молчал», «лишась дара речи, молча переглянулись» и т. д. и т. п.

Слово «молча» позволило автору утяжелить свою «эпопею» (и карман – тоже) еще на полпечатного листа…

А вот серия ЛИШНИХ слов из другой сферы: «пятилась задом», «пятиться назад», «отступил назад», «спустился вниз», «поднялся вверх», «вскочил на ноги», «вверх против течения», «вниз по течению», нелепое «вверх по течению», «сосновый бор» (была такая газета «Патриот Родины»), «совершенно неподвижно», «абсолютно темно», «совсем необычно», «поднимался вверх по склону горы».

Дорога в село у автора «дорога, ведущая в село». «Дверь, ведущая…», «лестница, ведущая…». Вместо слова «обулся» – неграмотное, но зато «болтливое» – «на ноги обул». Вместо «выставил копье» – «выставил вперед копье». Вместо «вернулись» – «вернулись обратно (назад)». Нет страницы, чтобы не было 3-4 раза «и вдруг он». Это еще куда ни шло, но когда почти на каждой странице – «вдруг неожиданно» – только руками разведешь. Вместо «зазвонил телефон», обязательно «и вдруг неожиданно зазвонил телефон». И т. д., и т. д. Приплюсовываем еще два печатных листа…

Такая вот арифметика. Мы в дагестанской писательской организации, вооруженные всемирным авторитетом Расула Гамзатова, 20 лет бились, чтобы нам разрешили выпускать журнал на русском языке. Неизменный ответ из ЦК КПСС: нет бумаги, представляете, мол, сколько цветущих рощ надо будет сгубить на этот ваш журнал. Так вот, сэкономленной на мусоре в «эпопее» геройского литературного генерала А. Иванова бумаги хватило бы, чтобы издавать в Дагестане журнал по 20 печатных листов 20 лет! Или оставить цвести не радость людям не рощи, а громадный лес.

1987 год

МНЕНИЕ

Динислам КАРДАШЕВ

Колорадо и Гургур-аул

В одном из майских номеров «Дагестанской правды» прочел небольшую, интересную статью Е. Боровской «Что в имени твоем?», призванную, насколько я понял, подтолкнуть дагестанцев к тому, чтоб они перестали заниматься сладостным самолюбованием и постарались взглянуть на себя со стороны. И тогда многое предстанет в несколько ином, далеко не радужном свете – вплоть до хрестоматийного определения Дагестана как «страны гор и горы языков», обстоятельства, оказавшегося на поверку не поводом для умиления, а сущим несчастьем, ведущим к неисчислимым бедам – этническим, территориальным, конфессиональным и, как следствие, экономическим.

Екатерина Боровская повела разговор о материи простой и, на первый взгляд, безобидной – об именах, которые дают своим детям дагестанцы. Но сказавший «а» неизбежно доберется и до «я». Имена – это только затравка.

Начнем с «импортных» имен – Сократ, Евфрат, Шекспир, Лумумба и прочих марато-робеспьеров. Каждый раз, когда я их слышу, на память приходит, как лет пятьсот назад наивные и бесхитростные аборигены заброшенных в океанских просторах островов с детским восторгом, не торгуясь, отсыпали морякам-европейцам золотой песок в обмен на разноцветные стеклянные бусы.

И еще я заметил одну странную, плохо поддающуюся объяснению вещь – чем невежественнее человек, тем выспреннее и высокопарнее он старается говорить и писать. То ли он комплексует, хорошо зная свой реальный интеллектуальный багаж, и старается хоть таким путем компенсировать его изначальную скудость, то ли это делает для того, чтоб произвести на окружающих впечатление эрудита и интеллектуала. Но добивается при этом эффекта, прямо противоположного ожидаемому.

Нечто подобное наблюдается, по-моему, и с присвоением имен новорожденным детям. Не мной замечено, что настоящие интеллигенты, как правило, дают своим чадам имена предков, национальных героев, либо исконные дагестанские имена. И только «интеллигенты в нулевом поколении» утопают в окружении элеонор, консуэлл, мануэлл, сократов и прочих «иностранцев».

Я лично знаю Эсмеральду Гаджикасумовну, Консуэллу Гитиномагомедовну, Иоланту Гаджибуттаевну; в общем – сплошная Эллада, Древний Рим и прочая Европа. Меньшие по численности народности почему-то оказались несколько более устойчивыми против этой «именной» чумы. Но и они с незначительными отклонениями примыкают (по этому «показателю») к тем или иным сравнительно крупным дагестанским этносам. Трагедии в этом не вижу, но и особых поводов для ликования не усматриваю.

Наречение имени по исламу, особенно – мальчиков, так же, как и первое бритье головы – это прекрасное, торжественное, праздничное событие, проводимое с приглашением родственников, близких и друзей, сопровождаемое раздачей подарков и сладостей, с обязательным участием служителей культа. Так было. Разумеется, ни о каких «плутархах», «сократах» и разных прочих «аристотелях» не могло быть и речи, как и о банальной,

вульгарнейшей попойке под благовидным предлогом.

В Дагестане, и не только у нас, именам издавна придавали очень серьезное, а нередко – даже магическое значение. Начнем хотя бы с того, что имена умерших родителей всегда, почти автоматически, присваивались детям. Причем их (носителей имен родителей) никто в семье не называл по имени, а только – «папа», «мама», «дядя» и так далее, в зависимости от того, кому и кем приходится тот, чье имя носил ребенок.

В некоторых дагестанских языках есть даже специальный термин – «бродячее имя», это когда ребенку дают чужое имя, то есть не имя умершего родственника. Существует и целый кодекс наречения – чье имя (по отцовской или материнской линии) давать первенцу, и кому из родителей – отцу или матери – предоставляется право выбора имени.

Еще ярче демонстрировали дагестанцы роль имени в судьбе человека, когда тяжело заболевшему ребенку меняли его первоначальное имя – так поступили, в частности, родители будущего имама Шамиля, сменившие его прежнее имя на то, с которым он и вошел в историю…

Но если присвоение диковинных имен (таких, к примеру, нежных, как «Панацея») ни в чем неповинным и беззащитным младенцам можно еще как-то объяснить их бессилием помешать этому бездумному произволу, то трудно понять согласие взрослых на то, чтоб их имена заменяли более удобными для произношения на том лишь основании, что с ними совпадают начальные (звуки) буквы их настоящих имен.

Вообще, что касается «чужих» и «собственных» имен, тут много неясного. Как, к примеру, быть с русскими именами «Иван» и «Мария»? Ведь ни Иоанн (предтеча), ни Мария (мать Иисуса) русскими вроде не были. А куда отнести библейские, ветхозаветные – Адам, Ной, Авраам и Моисей? Особенно – в свете известного утверждения Энгельса, что Ветхий завет – это всего-навсего собрание старинных арабских легенд и преданий. Не слышал, чтоб кто-то доказывал недостоверность этого утверждения. Думаю, что признание или непризнание этого факта не является примером непочтительного отношения к одному из двух семитских народов, немало внесших в формирование общечеловеческой цивилизации.

Правда, ни общий язык, культура и раса, ни даже общая религия не удерживали и не удерживают, к сожалению, ни арабов Ирака и Кувейта, ни арабов и евреев, ни какой бы то ни было другой народ от поисков причин для ссоры с соседями. И это вместо того, чтоб заняться отысканием и нахождением поводов для дружбы. Тем более что сближение народов во всех сферах их бытия – политической, экономической, культурной – закономерный процесс. В этом и заключается, по-видимому, человеческий прогресс. О чем свидетельствует пример объединяющейся Европы.

Не хочу, чтобы причислили меня к антиглобалистам, которые этого не понимают и против чего протестуют. Но я всецело на стороне французов, которые начали борьбу за чистоту родного языка и преуспели в этой священной войне. Поэтому еще несколько слов о другой проблеме, примыкающей к уже названной. Это еще одна, тоже далеко не безобидная «импортная чума».

Стоит проехать по любому из наших городов, и у каждого дагестанца, умеющего не только читать, но еще и думать, начинает рябить в глазах от чужеземных названий…

Я не знаю, имеются ли в США и Англии банки, офисы, магазины, кафе, бистро и бары, прочие заведения самого разного профиля и назначения, носящие дагестанские имена. Но если даже они и есть, едва ли их так много, что это начинает действовать на нервы всем, кто не до конца еще потерял понятие меры и чувство юмора. Не говоря уже о национальном самосознании и гражданском самолюбии.

Безусловно, иванушек-дурачков можно «обогатить» английским «интернешнл», но вряд ли это прибавит им ума и популярности в глазах нормальных соотечественников.

Если маленькой, тесной забегаловке на двенадцать посадочных, как, впрочем, и на 120 или 1200, мест, с буфетчицей в халате неизвестного в природе цвета, дать звучное и чужое название «Флорида», станут ли вкуснее ее блюда и корректнее хозяин-мордоворот, готовый в любую минуту «разобраться» с не в меру придирчивым занудой-клиентом?

Ведь еще Саша Черный заметил, что «корова – не река, и не в названьи здесь загвоздка»…

В старое доброе время были ныне вышедшие за ненадобностью из повседневного обращения не очень благозвучные выражения: «низкопоклонство», «холуйство перед заграницей», «космополитизм» и пр. По мне так уж лучше дать бензозаправочной станции нежное название «Мечта», чем вычурное для дагестанского глаза и уха «Арканзас», должное, видимо, выражать зарубежное благополучие и качество, тем более что до них, скорее всего, еще далеко. А вот наша «Мечта» звучит и понятнее и, если хотите, веселее, выражая надежду на лучшее будущее.

Можно сколько угодно называть козу коровой, особенно, если она после этого станет давать по десять литров молока в сутки. Но если она продолжает выдавать свою козью порцию, к чему тогда менять вывеску.

Думается, что не от избытка ума, образованности и интеллигентности идет этот полный переход на английские названия (причем, в подавляющем большинстве случаев – совершенно неуместные). Да и не очень много у нас граждан, для которых английский стал «вторым родным языком». А идет это, наверное, от холуйства перед всем иноземным, которое вошло в кровь и плоть многочисленных наших граждан за годы рабства.

Бесспорно, сколько людей – столько и мнений, но прежде чем гордо нарекать свой задрипанный курятник импортным «Колорадо», не худо бы для начала довести качество его содержания до уровня хотя бы родного Гургур-аула.

ОТ РЕДАКЦИИ. ***Поднятая автором проблема весьма актуальна. Хотя на первый взгляд она имеет локальный характер, но в силу отражения ею глубин народного самосознания, она несет в себе даже угрозу росту нашей истинной культуры, способствуя расцвету ее суррогата. Затронутая тема имеет множество оттенков и несет в себе немало тревожных вопросов. Или это не так? Приглашаем читателей высказаться на страницах журнала.***

Джамал РАБАДАНОВ

Компромисс

(Не совсем по Довлатову)

И сказал мне всевышний редактор, что отделяет зерна от плевел и вершит судьбы всего сотворенного: воистину, ты - создатель, и рукопись твоя есть новый жанр. И было мне великое смущение, ибо замысел мой был прост и далек от высот горных: вспомнить и воздать. И падал за окном прошлогодний снег, аки манна небесная…

А если с присущей одной из древнейших доступностью и без намека на стеб, то… Дело было так. Впечатления от процесса работы над некоторыми материалами в один, как полагается, прекрасный день хлынули из меня потопом репродукций. Думал я, безжалостно царапая чистые листы полиграфической бумаги «Снегурочка»: она все стерпит. Прошло не так много времени, и я вновь решил выплеснуть муть приснопамятных случаев из практики журналиста, коль скоро таковым являюсь.

Пазл 1. «ПРОФЕССИЯ ТАКАЯ»

Лето – не сезон. Жара, пыль, мухи. Пора творческих кризисов. И скудно лето на события. Народ в разъездах – кто в села, кто в санатории, кто в москвы. А когда ты отвечаешь за сбор новостей, то и вовсе жить не хочется.

Идея была того – третьего сверху в выходных данных. В газете той, надо сказать, атмосфера была нездоровая. Каждая штатная единица стремилась оттяпать себе побольше площади, где разводила хлябь словесную. А если на планерке другому отвели две полосы в то время, как на твоей странице «забронировали» одну ее треть под рекламу бронированных дверей, то каждый уважающий себя и справедливость журналист должен если не поставить подножку, то хотя бы, сыграв на настроениях, настроить коллектив против «двухполосного». Вот так и творили, клацая зубами и мертвой хваткой цепляясь за каждый квадратный сантиметр газетной площади. Даже воздух там был спертый во всей двусмысленности этого слова.

Пишите, говорит, ребята, о необычных профессиях. Идея, в общем-то, неплохая, но не успели мы как следует за нее ухватиться, как он назавтра небрежно бросает на мой шаткий стол два листа набранного текста и вальяжно выходит из кабинета. Глаза побежали по листам, споткнулись на третьей строчке четвертого абзаца и там округлились. В оригинале: «…этой лопаточкой он натягивает крайнюю плоть и остро заточенным резцом…». Б-р-р, правда, мужики?! У меня, например, внутри все похолодело, а внизу – сжалось в смехотворный комочек. Представьте себе, рассказом об искусном мастере резьбы по плоти, его инструментах и самом процессе обрезания я должен был забить брешь на той странице газеты, где чаще всего читатели находят для себя информацию, скажем так, околокультурную.

Я напирал на этику с эстетикой, на определенную солидность издания и… еще на что-то я напирал. «Третий сверху» безапелляционным тоном выдвигал такие контраргументы: профессия необычная, ибо мало осталось народных умельцев по профилю обрезания («циркумцезия» это называется, и хирурги теперь на то есть), написано об этом увлекательно (фигово, мягко говоря, было написано), и самый неоспоримый довод – завтра в двенадцать сдавать полосу, а у тебя треть ее зияет белизной (э-э-э… м-м-м…)

Короче, уперся я. Показал самому главному. У того, слава богу, хватило ума, чтобы понять: такой материал пускать в печать – моветон. Дыру на полосе кое-как залатали свежей корреспонденцией южного собкора о нашествии косолапых в огороды сельчан. Подопечный «третьего сверху» – автор опуса – нахмурился, поняв, что впустую потратил свое драгоценное время. А сам «третий сверху» после этого еще больше окрысился на того, кто заявил, что у него нет вкуса.

Пазл 2. «АНГАЖЕМЕНТ»

Печатный орган курировал представитель власти и многих других важных структур. Проще говоря, мы имели дело с человеком высшей касты, решившим себя позиционировать по всем статьям. У божьего помазанника харизмы не было ни на вот столечко! Тем не менее, любил он освещаться, особенно, скажу я вам, на телеэкране.

С этим благодетелем, да сохранит Господь его власть, мне довелось съездить в один из наших высокогорных районов – описывать симптомы его рабочей лихорадки. После этой поездки я решил, что жизнь, как она есть, я повидал. Я прищемил себе палец (слава богу, не тот, который любил показывать исподтишка!), когда в девятый раз, чертыхаясь, выталкивал машину с обледеневшего участка раздолбанной дороги. Я отморозил все, что могло себе отморозить теплокровное существо, выросшее в тепличных условиях города. Темной ночью фотокорреспондентом, с которым ввиду тяжелых жизненных условий жителей села я спал на одной кровати, я был принят за одну из его пассий (тычок под дых развеял его эротические грезы). И все эти испытания, не взроптав ни разу, я прошел. «Загрузился» я лишь своей бесполезностью и вытекающей из этого бессмысленностью поездки. Хождение чиновника в народ, беседы с первыми лицами, руками и животами района, проникновенные речи под сводами задрипанного, заставленного разномастными бюстами вождей прежней эпохи Дома культуры – все это проходило на языке, носителем которого я не являлся. Так на кой черт меня туда откомандировали?!

Однако, хозяин – барин. А я тогда был отнюдь не вашим покорным слугой. Выстрадал что-то о «встрече прославленного сына республики с его земляками», «решении насущных проблем социально незащищенных слоев населения», не погнушался и экспрессивностью «бурных оваций», сотрясавших те самые своды того самого Дома культуры. И где-то (наша не пропадала!) даже ухитрился процитировать.

А вот посещать больницу, в которой лежали пострадавшие от теракта в одном из городов республики, меня не взяли. Забыли о моем существовании. Ну не очень-то и больно было!

И, разумеется, я, который ничего не видел, ничего не слышал и ничего не знал, что происходило в больнице в момент посещения благодетелем, должен был осветить акт гуманизма. Об этом меня тоже, разумеется, поставили в известность за три часа до сдачи номера в печать. Ну, а мне не привыкать: пару скупых фраз очевидца – вездесущего фотокора – разбавил общими фразами, впендюрил чиновнику в речь какой-то афоризм, и пояснительный текст к красноречивым фотографиям с нашим сердобольным у больничных коек был готов.

Все это цинично. Но не я тому виной.

Пазл 3. «С МЕСТА В КАРЬЕР»

Вы знаете, как правильно ездить в горы? Вернее, так: как настоящие мужчины ездят в горы? Ведь тут не только машины заправлять надо! Нет, не с этого начинать надо…

Дело было так. В редакцию поступило анонимное письмо. Писали его в лучших традициях доброжелатели, возмущенные наглым нарушением экологических норм. Оно гласило, что в указанных координатах (с точностью едва ли не в градусах долготы и широты) такой-то организацией – вотчиной хапуг и негодяев – ведется незаконная разработка карьеров, вывозится песок, бутовый камень и еще какие-то стройматериалы. В тот день я на свою беду решил явиться на работу вовремя. И момен-

тально был командирован на расследование такого безобразия. Вместе с телевизионщиками и суровым начальником по связям с общественностью обвиняемой в грехе организации.

Надо сказать, что мы долго держались. Почти до первого объекта доехали. Но, восхитившись зеленеющей травкой и блестящим солнышком, сделали небольшую остановку. Бутылка водки и закуска возникли на капоте вдруг. Хмурые и невыспавшиеся, мы вдруг повеселели, суровой наружности ответственный за связи с общественностью даже рассказал пару анекдотов.

Доехав до первого объекта, где якобы велось хищение природных богатств, мы ничего подобного не обнаружили. Поехали дальше – осматривать следующий означенный в письме карьер. Ехали мы, ехали, и что-то захотелось нам всем разом ноги размять… Осушили вторую бутылку, таинственное возникновение которой я проследил: она была извлечена из багажника ведомственной машины суровым начальником… Потом третью, уже без закуски… Потом… Что было потом – помню смутно. Помню, тот суровый меня, как подающего надежды и очень похожего на его племянника, нахваливал и обнимал так, что косточки хрустели. Помню, лезгинку на капоте автомобиля оператор танцевал… Помню, пили за здоровье Амундсена с Нансеном…

В общем, кляузой это письмо оказалось форменной. Неправда это, граждане, что карьеры там находятся. Там и нет ничего на самом деле, в недрах тех мест, мне это ответственный по связям с общественностью в порыве откровения сказал. Только зря время, говорит, потеряли. Я решил, что это он про нас и, еле ворочая языком, сказал, что не зря, совсем не зря, ты что, меня не уважаешь, нет, ты мне скажи, ты меня уважаешь…

Пазл 4. «А ДОКУМЕНТ У ТЕБЯ ЕСТЬ?»

Сам сейчас поражаюсь: откуда только прыть взялась? Да, тогда я был еще совсем зеленый, неискушенный, глубоко убежденный в свободе слова, правах человека и прочей чепухе. Фонтанировал идеями, излучал энергию, трепетно относился к каждой своей публикации. Это почему я тогда такой неуемный был? Тогда у меня дивана мягкого не было.

И решил я в таком состоянии сделать что-то вроде среза знаний в школах городских. Тест с вопросами по всяким разным дисциплинам подготовил (это ж надо!). Самому тогда было интересно, какие они, школьники наших дней, представляете?!

Обошел я с этим тестом две школы результативно и смело сунулся в третью. Подошел к колосящейся такой преподавательнице с копной волос: так, мол, и так, хочу пять минут вашего урока позаимствовать. Та взглянула на меня поверх своих большущих очков и повела к директору с таким видом, как будто злоумышленника какого-то разоблачила.

Директриса оказалась вздорной бабой со скверным характером. Она посмотрела на меня, как сказал как-то знакомый пэтэушник, «грубыми глазами» и велела покинуть образовательное учреждение сию же минуту. Я полюбопытствовал: за что такая немилость. Неприятная во всех отношениях дама объяснила, что есть при городской администрации управление специальное, курирующее такие вот образовательные учреждения. И этому управлению, как я понял, совершенно нечем заняться. Вот оно со скуки и выдумало такой приказ, что без их письменного разрешения ни одна посторонняя душа не имеет право тестировать школьников. Наверно, подумалось мне, до этого приказа по школам ходили всякие проходимцы и распространяли среди учеников вольнодумные мысли.

Еще в двух школах, равнодушно позевывая, у меня спросили наличие такого документа на проведение совершенно безобидного теста. Получив отрицательный ответ, порекомендовали без оного больше не являться. Да, и к нему еще справка оттуда нужна. А начальник «оттуда» сейчас в отъезде, когда прибудет – неизвестно. И вообще, молодой человек, что вам делать нечего: носитесь по школам с каким-то тестом?

В довершение всего при выходе из последней школы какая-то маленькая, но чрезвычайно гордая птичка сходила по-большому (относительно своих габаритов) прямо мне на плечо. И так мне все это показалось гадко и обидно, что поднял я с земли огрызок мела и написал на стене короткое, но очень нехорошее слово. Сразу полегчало.

Пазл 5. «НЕ ЛЕЗЬ НА РОЖОН»

В одну из моих командировок по весям республики меня окружили, медленно сжимая кольцо, милые, добродушные военные из младшего офицерского состава расквартированной здесь войсковой части. И все наперебой заговорили. Спустя пять минут я понял, что жалуются. Через полчаса стало ясно – на кого и по какому поводу.

За участие в военных действиях этим комбатантам государство обещало деньги немалые. Честно просидев в окопах несколько месяцев и сохранив тем самым рубежи нашего отечества, офицеры вернулись в родную часть. Ждали обещанного государством вознаграждения месяц, ждали два. Прождали год, и переполнилась чаша их терпения. И стали они судиться с государством.

Шепотом и озираясь, они поведали мне страшную тайну – деньги им государство выдало, но по пути они осели в карманах нехороших генералов. Теребя меня за все мои пуговицы, они просили посредством средств массовой информации рассказать миру о такой возмутительной несправедливости. Тогда, дескать, генералы испугаются и спрячут кукиш за спину. Такая миссия – быть защитником всех обиженных, слабых и убогих привлекала меня с детства, поэтому я важно сообщил им, что возьмусь за эту проблему. Прапорщики бросали к потолку пилотки и весело кружились в хороводе, лейтенанты сделали мне на прощание «но пасаран».

Такой же важный и строгий я явился в военную прокуратуру, которая, по словам военных, обязана была решать такие вопросы. Сел напротив откормленного и довольного полковника и, вкратце рассказав ему о встрече с комбатантами, засыпал ворохом «зачем» и «почему», не позабыв и о нестареющем «кто виноват».

Где-то ближе к концу всех офицерских ламентаций в моем изложении полковник шумно зевнул и озадачил меня вопросом: «Ну и что?». Ну, как же… закон, говорю, гласит. С улыбкой Джоконды в штанах и при погонах он спросил, погано ухмыляясь, знаком ли я с основополагающими моментами того закона, что определяет права военнослужащего и обязанности государства перед ним. Я замялся. А знаю ли я, что одна статья этого закона противоречит другой, и вообще черт ногу сломит в этой казуистике. А может быть, эти бравые ребята и не воевали вовсе, а просиживали в десятках километров от зоны ведения боевых действий, изредка прислушиваясь к ухавшим вдалеке снарядам? И что теперь за это им деньги платить? Государство обещало? Да если б я знал, какие фокусы выкидывает государство со своими гражданами, и как только высшие эшелоны армии не водят за нос низшие?! И вообще, кто я такой, чтобы задавать провокационные вопросы?! Идите домой, молодой человек, и не морочьте людям голову своими расследованиями. И не вздумайте знакомиться с этими законами: запутаетесь в них и придете к мысли о своей ничтожности. Всего хорошего.

Пазл 6. «МУЖИЧОНКА С КОРОБЧОНКАМИ»

Полтора без кепки. От него дурно пахло. Но я кое-как выдавил из себя брезгливость и согласился с ним побеседовать о его открытии.

Между прочим, все редакции как магнит притягивают к себе всяких непризнанных гениев, близких к помешательству и уверенных в своей исключительности. Вот и этот заявил, подтягивая сползавшие штаны и почесываясь: «Сделал открытие, которое позволит качественно улучшить методику преподавания в средних школах. И решил, что вам интересно будет об этом написать».

Многие коллеги удивлялись моей обходительности: я с одинаково внимательным видом, не перебивая, выслушивал и ценную информацию и ахинею вроде той, что нес этот «открыватель». Во втором случае я терпеливо ждал, когда визави выдохнется, и начинал: «К сожалению…» То, что это чистой воды ахинея без каких бы то ни было смысловых примесей, я понял почти сразу. Но продолжал понимающе кивать головой и даже задавал какие-то вопросы. Мужичонка не повел и ухом в сторону вопросов, взахлеб продолжал рассказывать о своем нетрадиционном методе преподавания в

школах, основанном на принципе «Ухо – дура, глаз – молодец».

Растолковать суть этого принципа я, увы, не могу: мое внимание во время интервью переключилось на лениво шевелящего усами таракана на стене. А потом я почему-то задумался о нелегкой судьбе повивальных бабок, которым, наверно, трудно без повивальных дедок.

Тут мой герой, заметив, что блеска в глазах напротив поубавилось, вынул откуда-то спичечные коробки с разноцветными фишками. Фишки замелькали, коробки выстроились в ряд – мужичонка вновь пустился в объяснения. Фокуса однако не случилось.

И когда последняя повивальная бабка, держа в зубах зензубель (понятия не имею, что это такое), перепрыгнула через барьер моего воображения, я устало перебил: «Большое спасибо. Боюсь, что мы об этом писать не станем…»

На прощание мужичонка, с достоинством подтягивая к подбородку брюки, дал мне понять, что я – жалкая, ничтожная личность, преградой вставшая на пути прогресса, проявляющегося в околесице его открытия. Отодвинул, понимаешь, цивилизацию лет на сто назад, бестолковый.

И еще не раз мое драгоценное рабочее время будет тратиться на ситуации, которые, как потом выяснялось, яйца выеденного не стоят.

Пазл 7.
«НЕУЛОВИМЫЕ ЗАМЕСТИТЕЛИ»

Обеспокоился я как-то с подачи шефа проблемой очистных сооружений города. Более маститые коллеги по цеху посочувствовали, дескать, этого, братец-волк, не соберешь, названивая по телефону в глупые инстанции, или переписав отчет какого-нибудь ведомства пятилетней давности, тут ногам кормить положено. С печатью мировой скорби на лице своем вникал я в различные указы и постановления, выклянченные у коммунальщиков и экологов, а ночью мне снились жуткие коллекторы, гигантские насосы и сбросы фекалий.

Так или иначе, но осталось всего ничего – побеседовать с ответственными за этот вопрос лицами и посетить эти треклятые очистные сооружения, у которых, как выяснилось, вполне конкретный адрес: там, куда Макар своих телят не гонял.

Составил список компетентных лиц и первым делом решил забежать в министерство, которого больше нигде нет. На том конце провода позволили быть.

Передо мной – типичный представитель начальников низшего звена, прекрасный типаж на роль штурмбанфюрера гестапо. Журналисты его не балуют своим вниманием, поэтому, ясный перец, он польщен. Плохо отработанным величественным жестом «гестапо» усаживает меня напротив. Блокнот нараспашку, перо наперевес, и я – весь внимание. Так, в каком же состоянии наши очистные и чем это грозит морю?

И тут «гестапо» понесло. Спустя минут пять его занимательного рассказа меня начали терзать смутные сомненья: слышу что-то до боли знакомое и фразы какие-то не по-разговорному строгие. Гляжу: мой интервьюируемый, растуды его туды, вслух и с выражением читает хорошо знакомое мне распоряжение времен царя Гороха (ну не было у него ничего посвежее!). После третьей попытки робко прервать его диктант рассердился не на шутку и громким, молодецким таким голосом кашляю: «Вы, конечно, извините, что я говорю, когда вы перебиваете, но… Это мы уже проходили, нам бы о нынешнем состоянии». Растерянный штурмбанфюрер жует губами: а я, молодой человек, не в курсе, других документов у меня нет. Скомканно благодарю и растворяюсь в потоке снующих по коридорам канцелярских крыс.

Нет, думаю, надо в администрацию: там все знают. Но не тут-то было. Дня три дозванивался до одного из заместителей. После энного звонка предположительно секретарша, совершенно очевидно, возмущенная тем, что ее отрывают от чаепития со сплетнями вприкуску, рявкнула в трубку: «Он на объекте! И сегодня не будет!». На следующий день зам был на расширенном совещании. На третий день в расписании значился больничный. На четвертый день я все же застал его и, счастливый, жизнерадостно так поясняю: очистные… интервью. Зам чрезвычайно удивлен. А тебе, дорогой, не ко мне. Тебе к такому-то по такому-то телефону. Тьфу, вашу за ногу! Следующий зам, застигнутый на рабочем месте, довольно скоро отфутболил меня к третьему.

Этот по фамилии… дай бог памяти… впрочем, неважно! Этот заместитель тоже, видимо, принадлежал к весьма распространенной разновидности начальников, которые «минуту назад вышли» и «вот-вот будут».

На пятьдесят шестой звонок в трубке прозвучал бесцветный голос. Какие такие очистные? Зачем журналист? Я совсем растерялся, запинаюсь в мембрану: разве вы не компетентен, разве вы не курируете, а мне сказали… «Нет!» – выплюнула трубка бесцветным голосом и часто загудела.

А через неделю я вдруг увидел на экране сидящую фигуру с бегающими глазками, которая рассказывала что-то интересное про очистные сооружения. И титры под фигурой с той самой фамилией, заместитель по особо важным вопросам».

Неужели мои вопросы оказались не такими уж важными?

Пазл 9. «ПОКУШЕНИЕ».

Мы друг другу подходили. Газета была новая, амбициозная, сотрудники молодые, но собаку съевшие в журналистике, редактор – просто легенда. И я метил в восходящие звезды, алкал известности и карьерного роста. Да вот только на третий день работы в этой редакции почувствовал себя я не в своей тарелке.

Это в журналистах заложено природой – метить свою территорию, зависящую от периодичности издания, словесными испражнениями. И если, положим, тебе положено писать о бескультурье культуры, а ты, голова садовая, возьми и разразись аналитическим материалом на политическую тему, коллеги, чья вотчина – политика, нахмурятся и станут здороваться двумя пальцами из пяти, похожих на ощупь на сосиски, которыми они питаются в корпоративной столовой.

А если, паче чаяния, статейку твою предпочтут их размышлизмам и втиснут в номер на четыре колонки – коллеги, узнав об этом, поперхнутся сосиской в той самой столовой, где их и застала эта неприятная новость, и тут же ринутся в бой за свое законное место. А потерпев поражение, они объявят тебе войну. На ближайшей планерке твой материал будет низложен подначенным коллективом, что блюдет справедливость и не терпит посягательств на чужие полосы.

Я об этом знал, но это ж такая удача: я случайно оказался в эпицентре очередного покушения на личность из высших эшелонов. Разинув рот, я смотрел на то, как пылает подорванный «Мерседес», как политика приводят в чувство, как гундосят и мигают 02 и 03 и подтягивается к зрелищу народ. Я стал очевидцем! Досадно, что фотоаппарата не оказалось с собой.

Примчался в редакцию. Сегодня верстается номер. Рассказал все шефу, тот потребовал немедленно перевести впечатления в письменную форму. Сижу – вывожу.

Тут возникает он. Тот, кто отвечает за криминал и всякие теракты. Мастодонт журналистики, на чью территорию я безрассудно покусился. Демонстративно прохаживается туда-сюда и бросает в мою сторону испепеляющие взгляды. Лицо зеленое и перекошенное. После восьмого прохождения мимо меня со всем сарказмом, отпущенным ему природой, интересуется: «Очевидец, значит?».

К вящему сожалению сотрудников, сбежавшихся на беседу повышенной тональности, мы не подрались. Один из нас оказался пацифистом. Благоразумным пацифистом и сторонником идей Льва Николаевича. И все упреки в малодушии безосновательны!

Хрен с ним, с этим покушением. Сдалось оно мне.

Вот из таких паззлов и состоит моя работа журналистом. Насколько она привлекательна – судить не дешевому читателю. А что касаемо названия этого опуса, то имеется в виду терзающий некоторых впечатлительных натур компромисс разума с чувствами.

P.S. ***Автор выражает глубокую признательность русскому алфавиту за любезно предоставленные буквы, которые позволили перенестись мыслям на листы полиграфической бумаги «Снегурочка».***

Ирина ИЗОПЕСКОВА

Лев Толстой и Ширвани Чалаев: опера «Хаджи-Мурат»

В Москве этой осенью состоялась премьера оперы Ширвани Чалаева «Хаджи-Мурат». Произошло это в 175-летний юбилей со дня рождения великого русского писателя Льва Толстого.

Сценической площадкой постановки стала московская усадьба Льва Николаевича в Хамовниках. Идея постановки оперы именно в Хамовниках принадлежит директору Государственного музея Льва Толстого Виталию Борисовичу Ремизову. Идейный вдохновитель и автор проекта считал, что Хамовники наиболее органичная площадка для премьеры, поскольку именно здесь и писал Толстой своего «Хаджи-Мурата». Таким образом, исторически и символически премьера оперы в Хамовниках была обоснована.

Событие это без всякого преувеличения – неординарное. Постановка оперы, тем более современного композитора – большая редкость в сегодняшней музыкально-театральной жизни. Опера – жанр эпический, монументальный, исполняется исключительно вживую, а не «под фанеру», и как-то не совсем вписывается в наш век сплошной попсы, рок-опер и всяких шоу. Многие музыкальные критики не упускают случая время от времени напоминать: опера как жанр тихо почила в бозе, у нее нет будущего. Однако на Западе, в Европе, к опере в последние годы проснулся неподдельный интерес. Наши отечественные голоса почти сплошь представлены в самых блистательных театрах Европы. Оперные театры там переполнены. Вероятно, западные люди, вдоволь наевшись рок-операми и мюзиклами, с неистовой жаждой припали к живительному источнику – классической музыке. Классика у них нынче в моде, а мы, увы, как всегда плетемся в хвосте европейской моды – сплошь убогие мюзиклы, красочные суррогаты массовой культуры.

Пожалуй, из этой тенденции выбивается кавказец Георгий Гергиев, который с фанатичным упорством несет в массы симфонию, оперу, пытаясь совершить культурную революцию. Русская классика, благодаря маэстро Гергиеву, теперь стала хотя бы узнаваема. Гергиев пытается возродить былую советскую традицию, когда попасть на концерты классической музыки в Большой зал консерватории или в Зал Чайковского было пределом мечтаний. Гергиев как вездесущий «Горец» с оркестром «Мариинки» повсюду: в Кремле, на Красной площади, в усадьбах, на Сенатской площади… Так что, одним фактом своего неутомимого мессианства он утверждает: слухи о кончине оперы сильно преувеличены.

Вероятно, потребность в хорошей музыке все же незримо витает в обществе. И, как это ни парадоксально, другой кавказец – Ширвани Чалаев – в разгар повсеместного у нас угара от мюзиклов пишет оперу, современную, хотя и на историческую тему.

Как известно, Ширвани Рамазанович – автор 10 опер. И это удивительный факт. Казалось бы, Дагестан славен традиционно коньяком, черной икрой, кубачинским серебром, вольной борьбой. Но за минувший век в Дагестане как-то тихо и исподволь сложилась мощная композиторская школа. Готфрид Гасанов, Сергей Агабабов, Мурад Кажлаев, Ширвани Чалаев. Это явление, наверно, еще предстоит осмыслить музыковедам. Как удалось за очень короткое в историческом смысле время совершить мощный рывок от свирели и пандура до симфонической, джазовой музыки, от народной песни до сложнейших опер и балета. Пусть современный дагестанец в своей массе не может пока осмыслить это явление в силу того, что наши композиторы опередили свое время. Только потомкам вполне удастся понять и по достоинству оценить творчество своих композиторов. Но задел ими создан мощный. Ведь даже того, что написал Ширвани, хватит на полноценный репертуар оперного театра. «Маугли», «Король Лир», «Читая дневники поэта», «Горцы», а теперь еще и «Хаджи-Мурат».

Свое произведение Ширвани написал 12 лет назад всего за 8 месяцев. Без напряжения, легко, целиком находясь под впечатлением прозы Толстого. И незадолго до чеченской кампании, как бы предчувствуя надвигающуюся трагедию. По собственному признанию композитора, он был уже подготовлен к опере всей своей жизнью и предыдущим творчеством. Ширвани благодарен Господу за то, что в свое время он его подтолкнул, отправил в горы слушать и собирать дагестанские песни. Со студенческих лет Ширвани не расстается с «Хаджи-Муратом» – книжкой издательства «Современник». Больше полувека живя в России, он впитал в себя две культуры – дагестанскую и русскую, которые неразрывно соединились в нем, и нашли выражение в его музыке. В последней работе – в «Хаджи-Мурате» – наиболее ярко и отчетливо это проявилось.

К сожалению, «Хаджи-Мурат» был не востребован 12 лет. Ширвани Рамазанович показывал его и бывшему дирижеру Большого театра Лазареву, и художественному руководителю «Новой оперы» Колобову, и другим известным дирижерам. Все соглашались ставить. Единственным невыполнимым тогда условием было наличие денег. В начале 90-х найти их на постановку не удалось. И тогда Ширвани оставил все попытки поставить «Хаджи-Мурата». Но какие-то интонации из оперы использовал в «Крестьянских танцах», в других своих сочинениях.

Когда композитор уже окончательно «забыл» «Хаджи-Мурата», вдруг (как это всегда и бывает) в дело вмешался его величество случай. Прошлой весной на одном из концертов в Кисловодске Ширвани вместе с Ниной Григоренко давал концерт. И как обычно пел свои «Лакские песни», и песни на стихи Лер-

монтова и Блока. После концерта к нему подошел благородной внешности человек. Им оказался Виталий Ремизов, директор Государственного музея им. Льва Толстого. Он оставил свою визитку и настойчиво попросил позвонить ему в Москве.

Ширвани вернулся в Москву. Позвонил. И уже в декабре состоялся его концерт в музее Л.Толстого на Пречистенке. Так совпало, словно сама судьба их свела, что и Ремизову оказалась близкой тема Хаджи-Мурата – Виталий Борисович защитил докторскую диссертацию по «Хаджи-Мурату». И когда Виталий Ремизов узнал об опере, то тотчас же попросил ее партитуру и взял ее на вечное хранение в музей. И тогда же загорелся идеей ее постановки.

Ширвани не ожидал, что так скоро реализуется этот проект. Однако Ремизов оказался человеком слова. Именно он настоял, чтобы премьера состоялась в усадьбе Толстого в Хамовниках, и не в помещении, а на открытом воздухе. Правда, организаторы не смогли предусмотреть погоды. Обычно начало сентября в Москве бывает теплое, мягкое. Но этой осенью погода немного подкачала. Постоянные дожди и прохлада могли существенно помешать премьере. Накануне шел проливной ливень, во время которого продолжались репетиции, он заставил переволноваться и музыкантов, и артистов, и всех причастных к премьере. Но, слава богу, в день самой премьеры обошлось без дождя. Зрители, хотя и ежились от пронизывающего холодного ветра, однако дослушали оперу до конца и стоя, криками «браво» и долгими аплодисментами приветствовали артистов, музыкантов и автора.

Надо понять, насколько хороша музыка, чтобы на холоде слушать ее целых три часа – именно столько длилось представление. Три полноценных действия в 12 картинах. Либретто оперы написано было еще в советское время В. Дубровским. В опере 50 действующих лиц (у Толстого их 180). Для постановки на открытом воздухе невозможно задействовать столько артистов. В итоге десять артистов театра «Амадей» исполняли связки ролей. И опасения, что оперная версия образа имама Шамиля окажется в силу этого несколько карикатурной, не подтвердились. Абдул Мукманов, исполнявший роль имама Шамиля, а также муэдзина и Ханефи, названного брата Хаджи-Мурата, оказался на сцене очень корректным. Абдул – лезгин, родом из Азербайджана, со своей задачей справился блестяще.

Судьба горца Хаджи-Мурата и его личная трагедия, оказывается, и сегодня волнует, трогает людей. Толстой, а вслед за ним и Ширвани Чалаев увидели ее как подлинную человеческую драму потерянной личности и испытали бесконечное сочувствие его мятежной душе. Хаджи-Мурат – сильная и даровитая натура, легенда Дагестана, не сумел распорядиться своей судьбой. Его метания между Шамилем и русскими были тупиковыми. Чересчур самолюбивый и гордый, он везде был чужим. Стремление к абсолютной свободе привело его к гибели.

Режиссер-постановщик Олег Митрофанов, режиссер московского театра «Амадей», с восторгом принял музыку Ширвани, назвав ее просто «шикарной». Имея опыт постановок произведений русской классики, в частности, Тургенева, Есенина и, конечно же, Толстого, Олег Митрофанов вместе с артистами своего театра не пытался сделать политический спектакль. Напротив, все старались быть как бы в стороне от политической подоплеки, а на первый план выставить отношения между людьми, страдания людей, втянутых помимо своей воли в войну. И русские солдаты, и горцы – все жертвы, несмотря на то, что они по разные стороны баррикад. Война – это страдание и зло для всех людей. Такова главная незатейливая мысль спектакля.

Сцена из спектакля

Стилистика спектакля – модный нынче минимализм. Минимум декораций, минимум костюмов. Цветовое решение – черно-белое. Горцы – в черном платье, русские солдаты, придворные, офицеры – в белом. Графичность спектакля только подчеркивала полифоничность музыки Чалаева, ее богатое мелодическое разнообразие. В ней органично и гармонично слились русская классика, авангард и горские мелодии. Слушать ее легко, она естественна и не вызывает напряжения. Артистам легко ее петь. К постановке были привлечены высокопрофессиональные силы: Государственный оркестр кинематографии, дирижер-постановщик – заслуженный артист России, главный дирижер симфонического оркестра Карельской государственной филармонии Олег Солдатов, Государственная академическая капелла России имени Юрлова, ее художественный руководитель народный артист России Станислав Гусев.

Усадьба в Хамовниках – живописное и тихое место в центре Москвы. После недавней реставрации усадьба сегодня как новенькая. Уютный, весьма скромно обставленный деревянный дом, просторный и тенистый двор. Здесь под навесом была сооружена сцена. Оркестр расположился на одном уровне со зрителем. Чтобы инструменты не заглушали голоса артистов, сцену подняли на один уровень. Хор посадили еще выше.

Солисты театра «Амадей» в основном все молодые, с приятными голосами. Хорошо выглядел и солист Валерий Планкин в роли Хаджи-Мурата. Он показал великолепный вокал, характер Хаджи-Мурата – его достоинство и человеческую драму. Выше всяких похвал хор, который придал всей постановке эпическую мощь. Но музыка Чалаева – это главное. И дирижер, и постановщик, и солисты, и артисты хора – все отзывались о ней только в превосходной степени. Зрителей ничуть не шокировали слова типа «газават». Хотя публика в основном была православная. Все сидели как завороженные. Самые яркие в музыкальном и драматическом отношении сцены в горном ауле, в гарнизоне (где играют в вист и звучит чудный романс-вальс на стихи Лермонтова «Сон» – «В полдневный жар в долине Дагестана»), в ауле Ведено (где Шамиль придумывает хитрость, как заманить Хаджи-Мурата), в резиденции Воронцова в Тифлисе, в Зимнем дворце в Петербурге (сцена флирта императора с девицей Копервейн в то время как на Кавказе идет война). Замечательна сцена, когда Хаджи-Мурат накануне побега танцует лезгинку со своими русскими покровителями…

Опера Ширвани Чалаева – лучшее произведение композитора. Сама история, талант и тандем с великим Толстым определили его значимость.

ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ

Максуд ЗАЙНУЛАБИДОВ

Не возьмет меня грусть...

Аварскому поэту Максуду Зайнулабидову 17 ноября исполнилось 65 лет.

В селении Тунзи Гергебильского района, где он родился, говорят, что чуть ли не каждый второй односельчанин – поэт. Максуд их представляет достойно.

Он окончил физико-математический факультет ДГУ. И как Эйнштейна на великие открытия воодушевляла скрипка, на которой он виртуозно играл, так Максуда в поэзии воодушевляла физика и математика. Он – отличник народного образования РСФСР.

Стихи пишет сызмальства, но печататься начал с 1956 года. Издал 17 книг. Он лауреат премии имени Махмуда из Кахабросо – за поэму «Махмуд». Награжден медалью «200 лет Шамилю» – за поэму «Генералиссимус Шамиль из Гимры». О событиях 1999 года написал книгу «Война», за что удостоился приза в конкурсе, объявленном ОАО «Дагэнерго». Сейчас работает над книгой «На исходе века». Много пишет о творчестве Расула Гамзатова.

Максуд Зайнулабидов – заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Предлагаем вашему вниманию подборку его стихов.

ЕСЛИ НАСТЕЖЬ ГРУДЬ МОЮ ОТКРЫТЬ…

Если настежь грудь мою открыть,
Можно мир без солнца озарить.

Если настежь грудь мою открыть,
Можно топи в нивы превратить.

Если настежь грудь мою открыть,
В звезды обратились бы цветы.

Если настежь грудь мою открыть,
От любви ко мне сгорела б ты!..

ЛУЧИ СОЛНЦА

Я солнца сберу все лучи воедино,
Свяжу в золотую метлу,
Чтоб небо цвело чистотой голубиной,
Черные тучи смету…

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Ах, зачем, подружки, я пошла
Весело и резво к роднику.
Я воды в кувшине принесла,
А в груди – сердечную тоску!

Юноша со мной заговорил
Нежно так, не знаю, почему…
– Дай напиться! – он меня просил.
– Вот родник, – сказала я ему.

Лучше онемели бы уста
У девчонки неприветливой и злой.
Птицею напуганной с куста
Промелькнуло счастье предо мной.

Без конца шептаться и молчать
Мне, подружки, не хватает сил.
Если б он пришел сюда опять,
То свою бы жажду утолил.

МАТЕРИ

С надеждою и криком: «Папа! Папа!»
Я бросился к открывшимся дверям.
Колючий ветер налетел нахрапом –
Не папа – почтальон явился к нам.

Письмо читая, ты святою ложью
Известье черное нам заменила, мать.
И до сих пор не вспомню я без дрожи,
Как ты могла искусно так солгать!

Потом ты шла за одиноким плугом,
И глубже стали борозды морщин.
А рядом все соседки, все подруги
С тобой несли нелегкий труд мужчин.

Усталая, ты нам хинкал варила,
Мне твой хинкал всех кушаний вкусней!
Ты материнским сердцем нас укрыла
От всех печалей тех суровых дней.

СЕРДЦЕ БОЙЦА

В узорную зыбку на щеку мою
Упала слеза, обожгла.
Отныне веселое «баю-баю»
Печаль унесла.

Ласкал меня дед под овчиной своей,
Играл я его бородой,
Но детской утехи была мне милей
Тропа под горой.

Солдаты по ней возвращались домой,
И не было встречам конца…
«Тропинка, обрадуй меня, успокой –
Верни мне отца!»

Однажды явился соратник отца
И матери подал пакет:
В нем было пронзённое сердце бойца –
Партийный билет.

Хранят мою юность, мечты и покой
Страницы в отцовской крови.
Отчизна! Готов я на подвиг любой –
Ты лишь позови!

ЦВЕТОК

На лугу, в половодье цветов
Мы с тобою, как дети, резвились.
И устав, на манящий покров,
Хохоча, опустились.

Но когда повстречались на миг
Наши жаркие руки случайно,
Холод робости в сердце проник,
Набежало молчанье…

А цветок мне помог, словно друг!
Ты глядишь на подарок мой алый,
И глаза твои выдали вдруг
Все, о чем ты молчала…

Перевод с аварского Н. ПЕНСА

РАСУЛУ

И ты теперь, Расул, осиротел,
Ведь райской птицы уж не слышен голос.
И крик твоей печали онемел,
С судьбою жизнь бессмысленно боролась.

И слезы ты не в силах удержать,
Их жжение язвительно, как жало.
И сердце смерть не может осознать –
От боли собственной оно устало.

Как вдохновенье, сам неповторим –
Неповторимую ты выбрал музу.
Но смерти голос был неумолим,
Не пощадил он вашего союза.

Она теперь тебя не позовет,
Костюм перед уходом не поправит.
Отчаянье жестокое гнетет,
Оно тебя от боли не избавит.

Открытой раны боль еще сильней
В душе надежду скрытую сжигает.
На свете много видел ты смертей,
Но вот пришла потеря роковая.

Напрасно ты, Расул, так рано сник –
Наследство Патимат ведь живо все же.
И в детях ваших, словно лучший стих,
Черты ее, как капли две, похожи.

Ты в круговерти этих скорбных дней,
Что мысли словно листья закружили,
Узнал и верность истинных друзей,
Хоть боль утрат они не залечили.

Живи же долго, память сохранив
О бесконечной и бессмертной страсти,
Ведь образ Патимат навеки жив
В твоих стихах и смерти неподвластен.

Перевод с аварского М. АХМЕДОВА

* * *

Я оставил вместе со стихами
В горном крае свежее дыханье.
Если дверь откроет спозаранку,
Пусть оно наполнит грудь горянки.

А еще оставил свет лучистый,
Сердца моего с любовью чистой,
Чтобы к ней проник он сквозь оконце,
Чтобы ей напомнил он о солнце.

А в лесу весеннем, что с аулом рядом,
Я любовь оставил ей на радость:
Коль взгрустнется милой в сакле тесной,
Про любовь из леса грянет песня.

СОВЕСТЬ

Знает множество ссадин,
Подтвердит перелом –
Беспощаден и жаден
Мир, в котором живем.

Только совести внемлю,
Пусть усталый, как вол,
Упаду я на землю,
И вокруг произвол.

Глажу рану былую
На широкой груди
И ничуть не тоскую –
Все уже позади.

Не оставлю дорогу,
Коль о камень споткнусь.
Если вывихну ногу,
Не возьмет меня грусть.

Береги только совесть,
За нее лишь держись.
Словно глупая повесть
Без нее эта жизнь.

Перевод с аварского М. АЛИМОВА

ДЕНЬ НАШЕГО РОЖДЕНИЯ

Из моря солнце восходило,
А мы на берегу с тобою
Стояли на высоком камне,
Плечом друг к другу прикасаясь.

Из моря солнце восходило
И шло небесною тропою…
Соленые морские капли
Мне солнца каплями казались.

А где-то просыпались окна.
Ты улыбалась, улыбалась,
И были очень осторожны
Улыбка, взгляд, прикосновенье.

А где-то просыпались окна,
И в окнах утро просыпалось…
Так почему же так тревожно
Вхожу в день нашего рожденья?

В то утро родились мы оба,
Но матери у колыбели
Не пели нам счастливых песен
Под ласковым отцовским кровом.

В то утро родились мы оба,
Конь вороной, от пыли белый,
Пришел домой, и двор был тесен
Для капельки отцовской крови.

Но мы войны еще не знали.
Земля была чужой и голой,
Не плугом, а войной разрыта,
И борозда была – пустая,

Да, мы войны еще не знали.
Но с материнским вздохом горьким,
Слезами матери омыты,
Мы понемногу подрастали.

Ты видишь, как тугая туча
На части разрезает солнце?!
На части разрезает сердце,
Живое сердце в человеке…

Да, солнце разрезает туча!
И смотрят с фотографий горцы,
И ждут их матери, как в детстве,
Их – нестареющих вовеки.

В то утро мы с тобой впервые
Вдохнули воздух полной грудью.
В последний раз вдали от дома
Отец вдохнул военный запах.

В то утро сделали впервые
Мы первый шаг навстречу людям,
А где-то парень незнакомый
В последний раз шагнул на запад.

В то утро родились мы оба,
Ты видишь, как находит солнце
Свою дорогу в тучах мглистых?
Ты видишь, как огромно море?

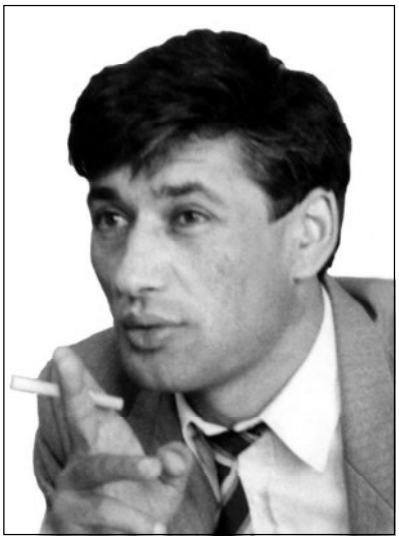
В то утро родились мы оба.
Я буду каждый день бороться,
Чтоб глаз твоих, родных и чистых,
Вовеки не коснулось горе!

Перевод с аварского И. ОЗЕРОВОЙ

ПРОЗА

Газимагомед ГАЛБАЦОВ

Сонет



Человек резал курицу. Водя ножом по куриному горлу, он плакал.

Мимо проходил старик с маленьким мальчиком. Указав на того, кто резал курицу, мальчик сказал:

– Дедушка, посмотри на его глаза!

На что старик ответил:

– Не на глаза, а на руки посмотри...

Народная притча

1. ОКНО

…И всякий раз, когда ему протягивали руку, Магомед вздрагивал. Весь день беспрерывно приходили люди выразить соболезнование. И каждый раз, когда к нему кто-нибудь подходил, он вспоминал о своем больном сердце. Такое же больное сердце было и у брата. Магомед боялся.

«Вот какая штука – жизнь. Ни с того ни с сего умирает человек. Вот и я потерял брата. А ведь он был моложе. Та же болезнь и у меня».

Стараясь, чтоб никто не заметил, он вытер пот со лба. Когда приложил руку к груди, увидел, что сын смотрит на него, и убрал руку.

«Уйду и я, останется сын! Уйдет и он, останется его ребенок! Потом и тот уйдет… Вырваться бы из этой цепи, освободиться и жить бы другой жизнью…»

Подошел еще кто-то и сел рядом.

– Магомед, что с ним было-то, да смоются его грехи.

– Сердце…

– Валлах, так и косит людей болезнь сердца…

– Да-а, – промолвил Магомед и встал, оставив собеседника. Сын посмотрел ему вслед.

Магомед пришел домой, но дома никого не было, женщины тоже ушли на соболезнование. Магомед боялся. Начало покалывать сердце. Он вспоминал своих односельчан, умерших от болезни сердца… Тихо в доме; лишь часы тикают, висит на стене ковер, стоят стол и стулья… Вся обстановка будто говорила, что очередь дошла до Магомеда. Сердце закололо сильнее.

Магомед запер изнутри дверь, поспешно взял молитвенный коврик, кинул его на глиняный пол, встал на него. Он никогда не молился и даже не знал, как это делается. Он опустился на колени, лицом в сторону Мекки… Чем дальше он оглядывался на свою прошедшую жизнь, тем сильнее кололо в сердце.

Начали раздаваться тихие голоса. Он знал, что дома никого нет, а голоса ему только мерещатся. И оставался на молитвенном коврике, сейчас он просто не смог бы сойти с него, как с островка в бушующем море.

Голоса не утихали.

– Говорят, смерть его была легкой…

– Да… К людям он обращался только с улыбкой на лице…

– Говорят, у бедняги сердце остановилось…

Чья же теперь очередь?

Тяжело было дышать, грудь будто придавило чем-то тяжелым, а в сердце кололо все сильнее. Магомед встал, приложив руку к груди. Из-за боли в сердце он забыл о своем спасательном коврике – молитвенном коврике. Хотел подбежать к окну, но вдруг обратил внимание на пустую колыбель и замер.

В сердце кололо; перешагнув через колыбель, Магомед рванулся к окну, распахнул его. В вышине сверкали звезды, простор неба чернел. Тьма царствовала вовсю…

– Дедушка, вон человек окно открыл.

– Не окно, сын мой, он открыл...

2. КАМЕНЬ

…когда катались. Теперь оттуда уже не скатишься, как в детстве. Место было очень опасное. Съедешь чуть в сторону и сорвешься в пропасть. Маленькими не боялись, не знали страха. И никто не попал в беду. Все помнили о бугорке, возвышавшемся перед краем пропасти. Съезжая вниз, старались держаться правее от этого бугорка, на противоположной от пропасти стороне.

Но Гаджи никогда не забывал о случае, однажды происшедшем с ним. Ребята дразнили его, что он не умеет кататься. И вот, выбрав время, он пошел кататься один. Решив скатиться дальше других, он прежде разогнался, перед тем как съехать вниз. Но, приближаясь к бугорку, понял, что не вписывается в поворот. Попытался удержаться, но упал и полетел прямо на бугорок, а потом и дальше, к краю. И ничего не мог поделать. Но за пять-шесть шагов до края, где пропасть обрывалась вертикально, он, ударившись о камень, удержался наверху. Камень был большой, как лежачий бык. Про этот случай Гаджи никак не мог забыть. Воспоминания о нем преследовали всю жизнь…

Теперь же, состарившись, Гаджи захотелось посмотреть на тот камень. Стояла зима. Везде лежал снег. Он увидел бугорок в конце накатанного спуска, и сердце его забилось, не умещаясь в груди. Этот бугорок отличался от прочих, он

спасал жизнь детей… Сердце забилось сильнее. Он знал, что, дойдя до бугорка, увидит и камень…

Гаджи шел с трудом, увязая в снегу.

«В детстве я отсюда просто скатывался, а теперь вынужден идти чуть ли не ползком», – подумал он. Камень лежал на прежнем месте. Гаджи, разглядывая камень, углубился в мысли: «Не будь тебя, – говорил он камню, – не было бы добра, что я творил в жизни, так же, как и зла, что тоже творил. Не было бы в жизни моих детей и зла, что они сотворили и будут творить еще. Не будь тебя, меня бы никто не благодарил и никто не проклинал. Многое повидал я, камень, благодаря тебе…». А камень молчал. Может быть, он действительно понимал, почему плачет человек, стоящий перед ним.

Вернувшись домой, Гаджи собрал своих детей и сказал им: «Тот камень спас мне жизнь, и я никак не могу забыть об этом… Мучает он меня…».

Дети пошли на то место и, поддев ломом, скинули камень в пропасть. А вернувшись домой, обнаружили, что их отец мертв. Тяжелая, наверное, была его кончина: упав с постели на глиняный пол, он лежал навзничь, с подвернувшейся под спину рукой.

– Дедушка, почему они скинули камень в пропасть?

– Они не поняли, мой мальчик, на чем держится жизнь человеческая…

3. ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

…черного цвета. Кругом были камни обыкновенные, ничем не примечательные, на них никто не обращал внимания, но никто не уходил, не задержавшись у черного камня. Этот камень был крупнее остальных. Никто не знал, откуда он взялся; с давних пор лежал черный камень у окраины села. Гостям нравилось разглядывать его: расспрашивали, откуда он взялся и почему он черный, им нравилось трогать черный камень руками. А сельчане привыкли, не проявляли к нему никакого интереса, кроме Джаватхана.

У Джаватхана не было ни клочка земли, ни скота. Жил он в пещере, занавешивая вход чем-то похожим на чадру. Летом пас сельский скот, а зимой его подкармливали добрые люди. Джаватхан был больным человеком.

Каждую ночь он ходил к черному камню и тайком от всех молился. Делать это в открытую он боялся. Он сам не знал, почему молился у черного камня, но и в другое место не ходил. Каждую ночь приходил к камню, становился на колени, смотря на звезды, обращался к Аллаху: «О, Аллах, ты видишь, как прошла жизнь твоего раба. Ты, Господин, видишь мое сердце. Так и живу, Всевышний… В чем моя вина? Почему я должен жить так? Я никого не обидел, никому не сделал зла. Я, Твой раб, Господин. Почему моя жизнь прошла в нищете?..». Так говорил Джаватхан каждую ночь. И каждую ночь он слышал голос, отвечающий ему: «Я вижу тебя Джаватхан, я вижу…».

Джаватхан не знал, откуда раздается этот голос, и кому он принадлежит. Но он ясно слышал: «Вижу тебя, Джаватхан, вижу…». Голос придавал его телу удивительную легкость, окутывал сердце нежностью и теплотой. Возвращаясь к себе в пещеру, он ложился на соломенную подстилку и засыпал удовлетворенный, с чувством исполненного долга…

Так прошла его жизнь. Никто не видел, как Джаватхан ходил к черному камню и молился, и никто кроме него не слышал этого голоса…

Джаватхан сильно состарился. Люди больше не доверяли ему пасти скот. Постепенно его все забыли и лишь самые сердобольные еще приходили к его пещере. Но Джаватхан не прекращал свои молитвы; по-прежнему каждую ночь приходил к черному камню и говорил: «Всевышний, жизнь моя прошла в смирении Тебе и людям. Жизнь прошла с Тобою в сердце, Господи!.. Спасибо Тебе! Перенес трудности, определенные Тобой, ел хлеб, назначенный мне Тобой. Ты вел меня за руку, Господи… Теперь я боюсь смерти». Так говорил Джаватхан и плакал.

Джаватхан чувствовал, что смерть близка, что он уйдет, но куда не знал. Когда он, присев у камня, задумывался о жизни, то в ней ничего не оказывалось, кроме его молитвы и того голоса.

Дни, полные зависти к чужому богатству, дни голодные, слезы, пролитые в одиночестве, – все ушло вместе с жизнью. Остались лишь молитва и тот голос. И теперь лишь они оказались нужными…

…Пребывая в забытьи, он услышал голос: «Вижу тебя, Джаватхан, вижу…». Наверное, никогда прежде Джаватхан не радовался так, как после этой последней молитвы, наверное, никогда так не нужен был ему этот голос, как сейчас… Он встал, еще раз погладил черный камень и, вытерев выступившую от радости слезу, направился к своей пещере. Зашел в нее, улыбнулся темноте, лег на свою соломенную подстилку и умер, уверенный в том, что Аллах его видел…

– Дедушка, а почему я не нахожу черного камня?

– Ты еще мал, сын мой. Вот когда подрастешь, чёрный камень сам тебя найдет…

4. «БЕЛЫЙ МЯЧ»

…испугался. Впервые увидев его, парень испугался: утром на окраине села появилось нечто удивительное – большой мяч белого цвета. Впрочем, нельзя было назвать его и мячом: непонятно из чего сделанный, он не был надувным. Он был очень большой: среднего роста человек не дотянулся бы до его макушки, а корова укрылась бы за ним полностью…

Парень испугался. Испугался потому, что «Белый мяч» появился неожиданно. И его белизна рождала удивительные ощущения. Вначале парень не мог даже приблизиться к нему. Пока он, остолбенев, смотрел на «Белый мяч», люди проходили мимо, не обращая на него никакого внимания. Парень удивлялся: «Вы ничего не видите»? Люди удивлялись еще больше: «Нет… А что мы должны видеть»?

Парень не сказал о том, что он видел. Он понял, что ему никто не поверит, и над ним будут смеяться. Но каждый день он приходил к «Белому мячу». Он хотел узнать, что это такое и из чего оно сделано. «Кроме меня никто его не видит. Я раскрою его тайну…» И теперь ничего другого в жизни он не хотел.

Сначала он попытался скатить «Белый мяч» с места – не получилось, попробовал разбить – не удалось, хотел поджечь – «Белый мяч» не загорелся, облил его водой – тоже никакого результата…

Нечто шарообразное на окраине села, поразительной белизны, его видел один только человек. Человек не знал, что это такое, но каждый день ходил к нему.

Со временем в округе начали поговаривать о сумасшедшем. Говорили, что он ходит на окраину села и разводит там костер, то поливает водой землю, то размахивает кувалдой и говорит сам с собой. Иные предполагали, что, может быть, он видит то, что не замечают другие. Но над такими смеялись: «У него что, глаза иначе устроены?». В конце концов, и в семье парня привыкли к мысли, что он сошел с ума.

Но он не слушал людей, хотя и знал, что его принимают за сумасшедшего.

Ведь он также понимал, что разгадать тайну «Белого мяча» дано только ему. И это стало смыслом его жизни.

«Люди слепые, – думал он. – Не хотят использовать выпавшую возможность – раскрыть тайну. Просто так к

людям не придет «Белый мяч». Не всем дано видеть его, а того, кто видит, считают сумасшедшим…»

Вся его жизнь прошла в попытках раскрыть тайну. И всю жизнь люди смеялись над ним. Ему никто не верил. И он ничего так и не узнал.

Однажды, придя на окраину села, он не обнаружил «Белого мяча». Сначала он замер от удивления, потом, не поверив его исчезновению, стал оглядываться по сторонам. «Белого мяча» нигде не было. Опустив седую бороду на колени, старик сел на обочине дороги и задумался. Так он сидел очень долго. Идущие мимо люди не обращали на него внимания. Они привыкли к старику, который ежедневно занят одним и тем же. Вдруг его осенила мысль. Он вскочил и закричал: «Узнал! Узнал тайну»! Выкрикивая эти слова, он побежал в село и стал стучаться во все ворота.

Это были последние дни его жизни…

– Дедушка, в чем же тайна «Белого мяча»?

– Не тайну «Белого мяча» он узнал, сын мой, а тайну жизни…

5. ЦЕПЬ

…вставал. Ещё до рассвета, до того, как просыпались люди, вставал первым в селе и совершал прогулки по полям. Никто не понимал, чего он хотел и что он говорил. Он давно махнул рукой на жену и детей. Одни принимали его за сумасшедшего, другие его боялись. То он без всякой видимой причины начинал плакать, то хохотал. Но он никому не мешал. Когда в селе раздавали милостыню, его никогда не обделяли. Как-то он прибежал на годекан и стал рассматривать присутствующих.

– Вы не слышали?

– Что?

– Просят всех встать…

А кто просил, он сам не знал. Все привыкли к его выходкам. Дети не оставляли его в покое, бегали за ним, бросали в него камнями.

– Вчерашний день был? – спросил он однажды.

– Был, – удивились люди.

– И сегодняшний день есть, – сказал он.

Все замолчали.

– Завтрашний день тоже будет…

Его не понимали. В другой раз он спросил:

– Кто может вырваться из этой цепи?

Сказав это, он начал плакать, потом вскочил и ушел. На следующий день от его жены все узнали, что он не приходил ночевать.

Ему еще не было и сорока; на его очень худом лице выделялись глаза и нос; нечистые волосы обрели цвет золы. Ходил он быстро и легко, временами оглядываясь.

Однажды он пришел к Абдулле, который считался в селе мастером, пожалуй, не было никого, кому он что-нибудь не починил. Он пришел к Абдулле с часами.

– Они же работают, почему ты их принес?

– Что они отсчитывают?

– Время… Это часы. Вот стрелка секундная, а вот – минутная.

Он с удивлением посмотрел на часы, потом опять отдал их Абдулле.

– Поставь ещё одну стрелку.

– Зачем?

– Чтобы она измеряла жизнь.

– Отсчет времени и значит измерять жизнь.

После этих слов он расхохотался, но не отстал от Абдуллы, пока тот не поставил на часы ещё одну стрелку: она ходила, отставая от минутной на 15 минут. Он очень обрадовался, взял часы и ушел. Усевшись у стены на камень, он уставился на часы.

Через час, выйдя из мастерской, Абдулла обнаружил его лежащим у стены; подошел и увидел, что он мертв. Все село собралось. Люди удивлялись и ничего не понимали.

А Абдулле стало не по себе: понял, что он умер, как только четвертая стрелка сделала оборот; понял, что стрелка, поставленная просто, чтобы избавиться от него, что-то отсчитала.

С этого дня Абдулла совершенно изменился.

Ещё до восхода солнца, ещё до того, как просыпались люди, он совершал прогулки по полям; временами плакал или смеялся, говорил о непонятных вещах. Он приходил на годекан и удивлялся:

– Что вы за люди? Почему вы не встаете, когда вас просят встать? Встаньте!..

Все убедились, что и он сошел с ума.

В другой раз он заявил:

– На часах, действительно, должны быть четыре стрелки.

Его не понимали.

Через некоторое время Абдулла умер.

Он лежал на полу, а рядом лежала его шапка. Часов с четырьмя стрелками около шапки никто не заметил: кое-кто, пришедший первым, убрал их подальше от глаз.

– Дедушка, почему на дереве засохли только те листья?

– Ветка особенная, сын мой, ветка особенная…

6. ВКУС

«…Нет, это не мое дерево». Маленький плодик абрикоса был уверен, что это не его дерево, и эта мысль не давала ему покоя. «Я знаю, что должен был вырасти на другом дереве…» – так думал плодик абрикоса. Но говорить об этом вслух он не мог. По соседству на ветвях было много плодов; он боялся, что они будут смеяться, если он поделится с ними своими мыслями.

Через некоторое время все плоды изменились: округлились и обрели бледно-желтый цвет. «Вместе со всеми меняюсь и я… Во мне нет ничего, что отличало бы от них. Но откуда мысль, что я с другого дерева?..»

Прошло еще несколько дней. Абрикос не вытерпел: тихонько, чтобы остальные не слышали, зашептал соседнему, похожему на себя, абрикосу: «Мне кажется, что я с другого дерева… Не знаю, почему, но у меня с вами не получается. Я вижу, что мы похожи, мы вместе желтеем, но мне кажется, что я другой…». Услышав это, соседний абрикос рассмеялся: «Дурной! Ты не другой! Ты дурной! Как ты можешь быть другим?!». Но первый абрикос отвечал, что он изнутри другой. Но его никто не слышал, все смеялись над ним. «Как это ты другой? У тебя разве не та же кожа и косточка, что у нас?»

Абрикос, не сумев ответить, умолк. Ему стало ясно, что его не поймут и что никого нельзя в этом винить. «И похожи, и на одном дереве растем, но как объяснить, что я другой?»

Абрикос заболел. Все желтели, созревали. А он сморщился и высох. Теперь над ним смеялись еще больше: «Оказывается, ты и в самом деле другой. Ты трус, неспособный делать то, что делают другие. Ты не можешь жить!».

Абрикос упал с дерева.

На следующий год на той же ветке вырос другой абрикос. Ещё зелёного, его посетила мысль: «Я должен был расти не на этом дереве…». Он рос, и все больше походил на других, но прежняя мысль не покидала его, она укреплялась. Одновременно приходил и страх: «Если я поделюсь с остальными своей мыслью, они будут смеяться надо мной…». Но все же абрикос однажды не выдержал и открылся соседям. Над ним и на самом деле посмеялись. После этого абрикос сморщился, высох и упал с дерева…

К абрикосовому дереву подошли двое.

– Эта ветка была привита от другого, лучшего дерева, но почему-то не приживается, – сказал один, указывая на ветку, с которой упали те абрикосы.

Второй ничего не ответил.

– Дедушка, а почему абрикос не сказал, что у него другой вкус?

– Фрукты сами не знают, что такое вкус, сын мой…

7. СЛЕЗЫ

… высота его была не более 20 сантиметров.

Ближние колючки, кусты – все с удивлением смотрели на него. Они не могли понять, что это растет рядом с ними. А росла ива. Она была еще очень мала, но уже понимала, что она – ива, понимала, что этот кустик и эта колючка – такие никудышные – не сродни ей.

Но ива была еще очень мала.

– Что это там растет? – зазнавшись, спрашивал куст у колючки.

– Откуда знать, о таком и слышать никто не слышал, – еще больше зазнаваясь, отвечала колючка.

Ива видела, что ее не любят, судачат о ней.

– Я – ива, – сказала она.

Куст злобно рассмеялся:

– Ива… Откуда тебе до ее высоты? Вырасти хотя бы с меня ростом. У меня вся жизнь ушла, чтобы как следует пустить корни, а то так бы не вырос. Но я не такой хвастун, как ты. И он засмеялся.

Засмеялась и колючка:

– От горшка два вершка, а воображает! Такую хвастунишку еще свет не видывал. Ива, говорит… Ты даже не представляешь, какой бывает ива. Она очень высокая, со свисающими ветвями, вечно думающая о жизни. Даже я до нее не доросла, куда уж тебе-то!..

Маленькая ива удивленно слушала; она поняла, что относится к деревьям уважаемым, но ее унижали. «Я вырасту, – думала она, – и они убедятся, что я ива. Но почему они меня унижают?..» Она понимала, что колючка и куст больше не вырастут, и злилась на их глупость и зазнайство. И она сказала им: «Как бы вы ни пускали корни, о чем бы вы ни мечтали, вы не превратитесь в иву. Ты – куст! А ты – колючка!».

Куст стал хорохориться, колючка разозлилась: «Хвастунишка! Ни к чему не годная пустышка!». И они чего только не наговорили иве. А она ничего не могла сделать – была еще очень маленькая.

И тогда куст и колючка набросились на иву, желая ее задавить и задушить, уничтожить совершенно. С каждым днем ее жизнь становилась все труднее. Ее не оставляли в покое…

Но она росла. Уверенно тянулась вверх. И когда она переросла куст и колючку, они потемнели, зависть съедала их изнутри. Чем больше они убеждались в том, что она – ива, тем больше они темнели.

Когда ива выросла по-настоящему, она вспомнила о тех унижениях, которые испытала. Она очень хотела, чтобы теперь ее увидели куст и колючка. Но к тому времени они высохли от черной зависти. А у ивы начали свисать ветви. И на то место, где росли куст и колючка, капали ее слезы…

– Дедушка, почему ты плачешь?

– Это не я плачу, сын мой…

8. ДЕРЕВО

…приходилось огибать издалека. Но времени было предостаточно и, сделав большой крюк, он подошел к дереву.

Дерево росло вдали от леса, на крутом, очень неудобном обрыве. Других деревьев рядом не было, оно в одиночку боролось за выживание.

Человек не думал задерживаться у дерева, закинув топор за плечо, он шёл к лесу. Но почему-то, оставив дорогу, он сделал большой крюк и пришёл к дереву. Человеку всегда казалось, что это дерево зовет его к себе; казалось, какая-то неведомая сила манит его.

Прежде чем сесть под деревом, он его долго осматривал. В отличие от других деревьев оно выбрало для себя не самое удобное место.

Человеку дерево не понравилось. «Дерево, с детства манящее меня к себе, не должно было оказаться таким, – подумал он. – Почему оно невысокое?.. Эти свисающие ветви, старая кора…» Кругом все замерло, только листья шелестели под порывами ветра. «Но ведь оно в одиночку растет, на таком неудобном месте. Во имя чего борется? Когда все живое старается держаться вместе, нужно обладать мужеством, чтобы жить отдельно…» – так думал человек. Ему понравилась собственная мысль. Он поудобнее прилег под деревом. «Если, покинув село и бросив семью, я стану жить отдельно, никто не назовет меня героем, посчитают за дурака или за труса. Деревья в лесу, наверное, так же относятся к этому…»

Человек снизу вверх посмотрел на дерево. «Есть в нем какая-то гордость. Ушло из леса, наверное, не потому, что его выгнали, а потому, что с ним не посчитались… А ради чего, – думал человек, – я покину село и родных, стану жить отдельно? Если оставлю село, избавлюсь от сплетен, ссор, зависти. Но если уйду от этой грязи, меня назовут глупцом… Да и не смогу я покинуть село».

С того места, где росло дерево, села не было видно. Но, думая о селе, он ясно представил людей с их алчностью. Все больше и больше хотелось человеку оставить людей и жить отдельно, сбежать от них всех. Он понимал, что осенившая его мысль придает жизни особый смысл. Но вместе с тем он думал, что не сможет бросить людей. «Нужна особая сила, чтобы уйти, уверенность, данная Всевышним. А во мне ее нет. Я – как заведенные часы; чтобы вырваться из колеи, надо хоть что-то изменить, у меня не хватит ни ума, ни настойчивости. Я – как все, живу ради живота… Я не способен на то, на что способно это дерево. Когда бы я его не увидел, оно будет напоминать мне о моей ничтожности…»

Человек решительно встал и начал рубить дерево. Через некоторое время оно упало. Когда падало, послышался плач. Так плачет ребёнок, не понимающий своей вины…

– Дедушка, если бы оно росло вместе со всеми, человек срубил бы его?

– Если бы росло вместе со всеми, оно не манило бы человека, сын мой…

9. ЛЮДИ

… посмотрел на небо. Он понял, что больше не в силах терпеть, и встал. «Все равно найду выход из этой ямы, иначе этого не вынесу», – говорило его сердце.

Парень, держась за скалу, шел вперед. Он не знал, что скала не кончится, и он идет напрасно. Шел, терпя жажду и голод. На его одежде выступила соль от высохшего пота. «Я не остановлюсь, не остановлюсь», – стучало его сердце.

Село, где жил парень, находилось в ущелье, похожем на котел из скал. И не было из него выхода. И парень об этом не знал, он искал выход…

Сделав большой круг и обойдя ущелье, парень в лохмотьях, усталый и голодный, вернулся в село.

– Ну что, нашёл выход? – смеялись над ним люди.

– Нет… Но выход есть! – настаивал он на своем.

Старейшина тухума вызвал его к себе и сказал:

– И до тебя, сынок, искали выход. Не нашли. Нет его… Ты считаешь себя ум-

нее остальных? Кроме тебя ведь его никто не ищет… И тебе пора смириться. Женись, народи детей. Займись хозяйством, как все люди. И не ищи того, чего нет…

– Почему же нет?! Есть! Почему вы не смотрите на небо?! Почему вы считаете, что жизнь существует только здесь? Вы же видите звезды, месяц, солнце. День сменяется ночью… Как вы можете это отрицать?! – так говорил парень старейшине.

– Что бы ты ни говорил, лучшей жизни, чем у нас, нет. Тебе надо было родиться птицей, а не человеком, чтобы найти отсюда выход. Родился здесь, так и оставайся здесь. Лишь дураки ищут пути отсюда…

– Это ущелье наполнено вонью, ее невозможно терпеть! Если вы этого не чувствуете, то я чувствую. Не могу больше!.. – не унимался парень.

– Как ты можешь чувствовать то, чего другие не чувствуют? Один ты, что ли, прав?! Что тебе нужно? Кто ты такой? – возмутился старейшина.

– Я – человек. Я хочу, чтобы вы поняли, что скоро здесь все провоняет. Я хочу, чтобы до всех дошло: вы – люди! Надо найти выход…

– Не сможешь ты заставить других предпринять что-либо. Ты еще не знаешь людей. Думаешь, человек хорош и добр? Нет же…

– Да! – сказал парень. – Человек – существо возвышенное…

Он не послушался старика. Не найдя дороги вдоль скалы, он решил взобраться на нее. Когда он начал свое восхождение, выбрав подходящее место, поглазеть на это вышло все село. Никто из односельчан не думал, что можно взобраться на скалу, и потому то, что он делал, казалось им пугающим и глупым. Пока он не взобрался еще высоко, один из них запустил в него камень. Он попал ему в спину. Парень обнял скалу. Ещё кто-то кинул камень и попал ему в руку. Парень все держался, обняв скалу. Третий камень попал ему в голову, кровь обагрила шею. Затем все стали бросать в него камни. Парень упал вниз. Но люди не успокаивались, пока его, окровавленного, не забили до смерти. При этом никто ничего не говорил…

– Дедушка, почему люди убили его?

– Потому что он хотел спасти их, сын мой…

10. ХЛЕБ

…негде было сеять. Засеяли всю землю, некуда шапке упасть, но людям все равно не хватало хлеба. Все от мала до велика решили, что и в этом году будет голод. И никто не знал, что делать? Маломальски пригодная земля вся была засеяна. Остались лишь скалы – омываемые дождями глыбы. Все понимали, что и в этом году люди будут умирать от голода, что горю и слезам не будет конца.

– Я спасу село, – решил Саид. – Я знаю, как это сделать.

Поздно ночью он вышел из дома и, стараясь быть незамеченным, направился на кладбище. Снял первый надгробный камень, осторожно понес и положил его у стены. Вернувшись, разровнял могилу… Так он уносил камни и разравнивал могилы, не думая о том, чьи они. Проработал до утра и так же, стараясь, чтобы его никто не заметил, вернулся домой.

А днем все узнали о том, что произошло на кладбище, все поняли, для чего это сделано, и никто ничего не сказал, как будто ничего не случилось…

Каждую ночь Саид ходил на кладбище и выполнял свою работу, а днем люди узнавали о проделанном и молчали, не пытаясь выяснить, кто это сделал. Никто не следил за Саидом: если он заметит слежку, то бросит работу – люди этого не желали.

В одну ночь Саид остановился перед могилой своего отца. Ночь была ясная. Некая сила мешала Саиду снять надгробный камень и разрушить могилу. Долго стоял он перед могилой отца. Наконец, спросил: «Что мне делать, отец? Мой сын, твой внук, голоден…».

И услышал Саид голос отца: «Я тебя не виню, сын, но мне жаль тебя. Поедая выращенный тобою здесь хлеб, люди будут проклинать тебя за разрушенные могилы».

– Не будут, я же для них стараюсь.

– Неизвестно, что нужнее человеку: кладбище или хлеб. Не думай, что ты делаешь добро.

Стояла тишина, чернели могилы, разрушенные Саидом.

– Почему же тогда они молчат? Почему не говорят, чтобы я не трогал кладбище?

– Подлость им мешает, сынок. Хотят иметь хлеб, а грех падет только на твою душу.

– Что же мне теперь делать?

– Сними, как и с других, камень с моей могилы и разровняй ее. А когда придешь домой, попроси прощения у своего сына…

Саид сделал так, как велел отец.

На месте кладбища образовалось большое поле. Не успел еще созреть урожай, как люди изменили свое мнение о Саиде, начали проявлять недовольство тем, что он уничтожил могилы предков. Саид каждую ночь просил прощения у сына. Он смирился с людской неприязнью.

Но хлеб ели все…

– Дедушка, а что нужнее людям, хлеб или кладбище?

– Кладбище, сын мой, и дает хлеб…

11. ДОЖДЬ

…поверил. Поверил, как только пришла в голову мысль, и понял, что она не оставит его в покое. Он не пожалеет и жизни, чтобы довести ее до людей. Он был еще молод, еще не знал, что такое жизнь, и был убежден, что, если все поверят, как он, то жизнь станет легче. Молодости не дано знать, что люди не умеют благодарить, даже если их поведут в рай…

По его мнению, люди должны были понять: если мысли и желания людей совпадут, то они дойдут хоть до неба. Он хотел, чтобы люди поверили: если ночью все выйдут на поле в полной уверенности, что пойдет дождь, то дождь действительно пойдет. Но в это должен был поверить каждый…

Несколько лет он пытался убедить в этом людей в своем и соседнем селах. Заходил в каждый дом, просил, держа руку хозяина в своей руке: «Верьте!». Каждый год погибал урожай; все хотели дождя, все понимали, что можно, конечно, попробовать. Но никто не верил. Ведь до сих пор никто так не говорил.

Тогда он решил, в пример другим, убедить своих односельчан попросить дождя. Он не знал, что это ещё труднее. Он заходил в каждый дом и объяснял. Но односельчане ему тоже не поверили, его обсмеяли.

Он решил в пример односельчанам убедить своих родственников, заставить их просить дождя. Он говорил им: «Просто выходите на улицу вместе со мной, смотрите в небо и поверьте, что дождь пойдет. Больше от вас ничего не требуется…». Родные ему тоже не поверили – они решили, что он сошел с ума. Они стали стыдиться его. Они ждали дождя, который шлет природа, они жили по-звериному. Он не мог донести до них, что их создала не природа, а Всевышний. Хотя все и говорили, что они созданы Аллахом, но сами этому не верили. Брали то, что давала природа, и не верили тому, что дает Аллах.

В старости он от безысходности повел свою семью, жену и двоих детей, на гору перед селом. Там они встали на колени и подняли свои взоры к небу. Небо было ясное, солнце пылало.

– Ты смотришь в небо? – спросил он у жены.

– Да.

– Дети, вы смотрите в небо?

– Да.

– Ты веришь, что пойдет дождь? – спросил он у жены.

– Нет… – не сразу ответила она.

Дети тоже не могли понять, чего хочет отец, и они вернулись к себе домой. Распространились слухи о его сумасшествии. Взрослые издевались над ним, а дети смеялись.

Уже сильно состарившись, он понял, что людей невозможно переубедить. И тогда он один поднялся на гору перед селом, встал на колени, посмотрел в небо. Кругом царила тишина.

И пошел дождь. Пошёл повсюду. От дождя отяжелела борода старика. Он плакал, не вставая с колен…

– Дедушка, а люди поверили?

– Не поверили, сын мой. Они решили, что дождь пошел сам по себе…

12. ПОДСОЛНУХ

«…не забывай! Никогда не забывай того, кто тебя вырастил, кормил и поил», – говорила земля растущему подсолнуху. Но маленький подсолнух не понимал смысла этих слов. «Я никогда не забуду», – отвечал подсолнух. Он был еще очень мал.

Время шло. Ночи сменяли дни. Подсолнух рос и креп. Подсолнух рос, а земля боялась все больше и повторяла: «Ты никогда не должен забывать, что я тебя вырастила. Знай, что в этом мире земля – основа всего. Земля дает жизнь всему. Она дала жизнь и тебе…». А подсолнух отвечал: «Я знаю это, спасибо тебе…».

Но чем больше становился подсолнух, тем острее он ощущал, что есть еще какая-то сила. И это не давало ему покоя. Не вытерпев, он обратился к земле: «Я знаю, если бы ты меня не кормила, не поила, меня бы давно уже не было. Я твой должник… Но временами мне кажется, что в мире есть еще что-то…». Не понравились земле такие слова. «Ты, подсолнух, оставь подобные речи. Ты не прав… Если я тебя отпущу, ты тут же упадешь, перестану кормить тебя – высохнешь… То, что ты говоришь, в этом мире повторяют столетиями, и каждый, кто так думал, оказывался обманут. Основа всего – земля…» Увидев, что его слова не понравились земле, подсолнух замолчал, испугался – если земля перестанет его кормить, он погибнет.

Шло время. Ночи менялись днями, вырос и окреп подсолнух. Хотя и стал большим, он не мог оторваться от земли. Он знал, что земля, дающая жизнь, может и отнять ее. Но прежние мысли не давали ему покоя: «Что еще, кроме земли, может быть ценным в мире?».

Солнце!

Подсолнух удивился тому, что не осознавал этого до сих пор. Теперь он понял, что в его жизни земля участвовала лишь наполовину. Но она хочет, чтобы заслуга принадлежала только ей. Такой уж у земли нрав. «Есть другая сила. Есть сила, которая не удерживает меня, не питает, но издалека помогает мне жить», – подумал подсолнух.

И стал подсолнух с утра до ночи молиться солнцу. Целый день он смотрел на небо, смотрел вслед солнцу и говорил: «Прости меня. Я слишком поздно понял, что ты для меня значишь. Собственные корни и земля питающая обманывали меня. Теперь я знаю, кто действительно дал мне жизнь…». Так говорил подсолнух каждый день…

Услышала эти речи земля. Разозлилась она: «Нет у тебя совести, подсолнух! Негоже молиться далекому солнцу, когда я тебя вырастила… Ты должен молиться только мне, вырастившей тебя – земле!». «Нет, земля! Я молюсь только на того, кто действительно дал мне жизнь, объяснил, для чего ты питала меня». «Если так, – сказала земля, – я перестану тебя кормить, и ты высохнешь!» – «Как знаешь…» – был ответ. Поняла земля, что жизнь, которую она ему дала, он ни во что не ставит, и он не боится ее. Она поняла, что подсолнух оторвался от нее, и живет другой жизнью.

Но подсолнух не забыл, чем он был обязан земле: после захода солнца и до его восхода он склонялся к ней. Так он каждую ночь готовился к молитве для солнца. От земли подсолнуху больше ничего не было нужно…

– Дедушка, а почему надо молиться?

– Жизнь заставляет молиться, сын мой!

13. ОРЁЛ

…два круга сделал орел. Когда совершал первый круг, он не видел села, он даже не смотрел вниз: ему нужна была самая высокая гора. Совершая второй круг, он обратил внимание на людей, собравшихся в своих гнёздах. «Интересно, о чём они думают, подняв свои дома на скалы, – размышлял парящий орёл, – эти существа, не умеющие подняться от земли даже на высоту крыла?»

Поднявшись ещё выше, орёл увидел высокую гору. И он забыл о людях. Похозяйски, не спеша, свободно полетел он в её сторону. Он видел поля и собственную тень, скользящую по крышам домов. Эта тень еще больше унижала всё, что было на земле, и возвышала орла. «Я бы не желал, чтобы даже моя тень находилась так низко», – подумал он.

Орел был стар и понимал, что последний раз поднимается к такой высокой горе. «Я ничего не боюсь: ни старости, ни природы… Мои предки не были рабами». Орёл опустился на гору, сел уверенно, гора как будто сама поднялась к его ногам. «Люди, прилепившиеся к скалам, тоже смертны… – Он устало посмотрел сверху вниз. – Знают, что умрут и не пытаются подняться над землей. Хотя бы на себя посмотреть…»

Орёл оглянулся: простор неба удивительной голубизны и чистый воздух. Можно лететь куда угодно. Долгое время орёл не смотрел вниз, в поле его зрения была только высота. «Природа, сила, хотя и невидимая, но существующая, я не подчиняюсь тебе… Ты не заберешь мою жизнь…»

Старый орёл хотел пить, был голоден. Вместо того чтобы лететь на вершину горы, он полетел бы на поиски пищи, он бы обязательно что-нибудь да нашел. Но он выбрал вершину…

Ещё раз скользнув взглядом по горным вершинам, орёл подпрыгнул несколько раз и взлетел в голубое небо. Он ощущал свою слабость, силу природы и времени, ощущал, что такое жажда и голод. Но с каждым взмахом крыльев орёл поднимался всё выше. «Вот тебе! Вот тебе!», – говорил он природе с каждым взмахом крыльев. Снизу орёл казался точкой, а тень его вовсе исчезла с лица земли. «Природа! – подумал орёл. – Я не хочу умереть, как ты желаешь, от старости… Знай, что не так я умру!» Подумав так, орёл сложил крылья и повис над скалами в свободном падении… От скалы отскочил кусок мяса в перьях и упал на землю. Всего лишь кусочек мяса в перьях…

– Дедушка, смотри! Слепой орёл ударился о скалы.

– Он не слепой, мой мальчик. Он видел то, что мы не видим…

14. КУРИЦА

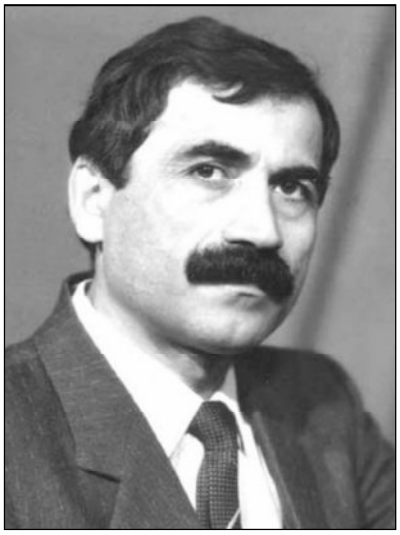
– Дедушка, смотри, сам режет курицу и сам же плачет.

– Ему же больно, мой мальчик, больно…

Перевод Г. ИЛЬЯСОВА

Фейзудин НАГИЕВ

Суд совести



Фейзудин Нагиев родился в селении Ашагастал Сулейман-Стальского района в 1951 году. Получил красный диплом после окончания строительного института в Одессе, затем окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве.

Сегодня он член Союза писателей и член Союза журналистов Российской Федерации, заслуженный работник культуры РД. Автор книг стихов, рассказов, повестей и по литературоведению. Его поэтические сборники «Письмена на ладони», «Морщины на камне», «Дочь Солнца», «Льются с небес мелодии любви», «В поисках Алпана», «Поцелуи на ветру», «Подарок», «Колокол и камень», «Куруш», повести «Человек без пуповины», «Дневник повешенного», «Счастливцы», рассказ «Посланник Желтых Небес», философские притчи-новеллы, рассказы для детей опубликованы в журналах «Кард», «Лезгистан», «Дружба», в книге «Ночь в Терсеполе».

Будучи редактором и издателем в одном лице, в 1990-1995 годах он издал шесть номеров литературно-художестенного и общественно-политического журнала «Лезгистан» на лезгинском и русском языках, кроме того, он автор исследований по текстологии произведений Етима Эмина, Сулеймана Стальского, Саяд Стальской, статей по истории, лингвистике, литературоведению.

ЭХО

Как птица сонк без тела и души,
Кричу в пространство. Только нет ответа.
О, мир! Скажи, зачем жестокость эта?
Ответом безысходность разреши.

Зачем же этот вечный зов? Ответь,
Коль он в горах лишь эхом отдается,
Зачем душа моя сонк-птицей бьется,
Но не находит сил, чтобы взлететь?

ОДИНОЧЕСТВО

Свечи плачут, и воска слеза
Льется медленно, стынет как камень.
Скажи, скажи – не твои ли глаза
В небе темном горят огоньками?

А бумага бела предо мной,
Ни строки, ни единственной строчки.
Одиночество темной стеной,
Пустота без спасительной точки.

Свечи плачут. По мне? По тебе?
Тает свет их в неверности теней.
И со стоном в очажной трубе
Бьется ветер – непризнанный гений.

Где, в какой неизвестности ты?
Я напрасно шепчу твое имя.
Лишь печально на мир с высоты
Смотрят звезды глазами твоими.

СУД СОВЕСТИ

У нас у всех – один судья.
Доживши до седин,
Хочу добиться права я
Судить себя один.

Как в зеркале отражена
Вся жизнь. На склоне лет
Увижу – праведна она?
А, может быть, и нет.

И совесть смотрит на меня.
Ее суровый взор,
И защищая и виня,
Выносит приговор.

Она спокойна и тверда.
И беспристрастен суд.
Здесь ни заслуги, ни года
От кары не спасут…

И приговор пусть будет строг,
Суди иль не суди –
Я свой оканчиваю срок,
Лишь вечность – впереди…

* * *

С землею схож рисунок наших лиц,
Глаза-озера смотрят из глазниц.
Оврагами морщины рассекли
Нам лоб, как сушу бренную Земли.
От жизни многотрудной и лихой
Лицо как перепахано сохой.
И эта нива, что родить должна,
Принявшая надежды семена…
Лишь осень жизни сможет дать ответ,
Получим урожай мы или нет.
И хватит ли для всходов тех тепла,
Что наша кровь по жилам принесла?
А слезы? Влагу нужную дадут?
Иль ливнями посевы изведут?
Не потому ль Земле подобны мы,
Что станем ею за порогом тьмы?

ДВА МАСТЕРА

Два мастера в одном ауле жили.
Их чтили люди. Только к одному
Они всегда с улыбкой приходили
И грели душу радостью ему.

К другому шли – исполнены печали.
А мастер – точно он всему виной.
Взгляд отводил, когда глаза встречали
Тех, чьи родные в мир ушли иной.

Был первый весел и со всеми дружен,
Он приходивших радостно встречал.
Другой скорбел, что тоже людям нужен,
И, разделяя горе их, молчал.

Ну, а когда творца молить случалось,
То каждый у него просил свое:
Один – чтобы работа не кончалась,
Другой – чтоб вовсе не было ее.

Так день за днем тянулись вереницей,
А за годами шли и шли года…
И мастерство невидимой границей
Их судьбы разделило навсегда.

Они искусны оба были в деле,
Тот и другой аулу нужен был.
Веселый мастер – делал колыбели,
А грустный мастер – камни для могил.

* * *

Река Самур – срединная река,
Ты боль земли несешь издалека.

С далеких гор, где твой сокрыт исток,
Ты с Запада стремишься на Восток.

Но если б эти воды унесли
Печаль, тобой поделенной земли!

И море навсегда принять смогло,
То горе, что мне на сердце легло.

Мне кажется – безмолвная вода
Не землю – сердце делит навсегда.

* * *

Всё может быть. Настанут времена –
Забудутся народов имена.
А слух привыкнет к новым именам,
Забывши те, что предки дали нам.

Уйдёт язык, что с детства нам знаком,
Что впитан с материнским молоком.
Что было свято – станет всем чужим.
Ненужным будет то, чем дорожим.

И станут люди тем словам внимать,
Которых нам не говорила мать.
За то судьбу благодарю сейчас,
Что на Земле тогда не будет нас.

ЗАВТРА

Жизнь заново начну я с завтрашнего дня,
Всем напишу, кто ждет ответа от меня.
На помощь ближним завтра я приду,
И завтра целый день с любимой проведу.

Строку заветную я завтра отыщу,
И от неправды правду защищу.
И песнь спою, чтоб подхватил народ –
На завтра много у меня забот…

Но заскрипела дверь, и входит смерть моя:
«На завтра дела нету у тебя!»

* * *

И будет день, наверняка,
Настанет власть империй.
Словам чужого языка
Традиции мы вверим.

И царь нам будет, кто жесток,
И дух наш будет смирен.
И в этот день, о, дай мне бог,
Не жить в подлунном мире.

Перевод с лезгинского М КРЫЛОВА

ПАМЯТЬ

Умукусюм ГЕРЕЕВА

Мой отец – Юсуп Гереев

К 100-летию писателя

В нынешнем 2003 году исполнилось 100 лет со дня рождения кумыкского писателя Юсупа Гереева. Ко мне, его дочери, обращались ученые, студенты, журналисты. Их интересовали его личная жизнь, подробности его биографии. И я решила рассказать, что знаю. Не имею права уйти из жизни, не рассказав это дагестанским читателям, его внукам и правнукам.

В 1900 году в Порт-Петровск – так называлась нынешняя Махачкала – приехали из далекой Латвии три семьи. Это были семьи Якова Сырмайса, Августина Скрабе, а фамилию третьей семьи я не знаю, знаю только, что они были учителями немецкого языка.

Яков Сырмайс был назначен директором школы в ауле Кафыр-Кумух, где учились дети и из расположенного рядом Халимбек-аула, что в трех километрах от Буйнакска. Школа располагалась на окраине Кафыр-Кумуха, это был небольшой домик с зеленой лужайкой. Кафыр-Кумух и Халимбек-аул разделяют проходящие между ними железная дорога и шоссе, которые ведут в Буйнакск – тогдашнюю Темир-Хан-Шуру.

Сырмайс вскоре изучил кумыкский и аварский языки, он учил детей не только грамоте, но и ремеслу, организовал столярную мастерскую, где дети что-то мастерили, завел пчел. А в 1903 году у него родился сын Яша.

Жизнь шла нормально, ничто не предвещало несчастья, но вдруг заболела жена, в Шуре, в больнице, она умерла, маленький Яша осиротел. Потом он вспоминал: «Отец привел меня в больницу, показал кровать, где лежала мама, сказал: мама твоя умерла. Это все, что я помню о своей маме». У Сырмайса начались неприятные отношения с начальством, и он вынужден был уехать вместе с маленьким Яшей в Северную Осетию, где потом умер. Августин Скрабе – его друг и земляк, который обосновался в Темир-Хан-Шуре, узнав, что скоропостижно от сердечной недостаточности скончался его друг, немедленно выехал в Осетию, нашел маленького мальчика и привез его в свою семью. Но вскоре А. Скрабе был арестован за свою революционную деятельность, и Яша вновь осиротел.

Из Халимбек-аула в Темир-Хан-Шуру вела тропинка, которую проложили сельчане, это был самый короткий путь в город пешком. Я помню эту тропинку, будучи на каникулах в Халимбек-ауле, мы, дети, ходили пешком в Буйнакск, по пути лакомились тутов-

ником, черешней, вишней, а кое-где из травы выглядывали огурчики. Я это запомнила на всю жизнь. Вот на этой тропинке решилась судьба маленького Яши – моего отца.

Как-то по ней в сторону Темир-Хан-Шуры шел крестьянин Арсу Гереев, а навстречу ему шел сирота Яша. Увидев его, Арсу остановился, он хорошо знал и очень уважал отца мальчика. Арсу усадил Яшу рядом, и мальчик рассказал ему, что он переживает. И тогда Арсу решил усыновить его, дал он ему имя своего погибшего брата – Юсуп. Так мой отец стал Юсупом Гереевым.

Юсуп вместе со своим новым отцом и его братьями батрачили. Революционные бури застали Юсупа в 14-летнем возрасте. А в 1921 году он восемнадцатилетним был назначен секретарем ревкома селения Халимбек-аул. В 1923 году его направили на юридические курсы в Ростов-на-Дону, по окончании их он вернулся в Дагестан и был назначен прокурором Буйнакска. Стал пропагандистом новой жизни. В 1926 году он женился. История его женитьбы заслуживает особого внимания.

В городе жил Алыпкач Магомедов, каменщик, работавший по найму. Его старшую дочь-красавицу звали Джавгьарат, и в нее влюбился бандит по имени Гусейн, чье имя наводило на горожан страх. Сваты от Гусейна неизменно получали отказ, но он вновь и вновь посылал их. Начались угрозы, Алыпкач вынужден был дать согласие на брак, не считаясь с желанием дочери. Привезли большой калым, свадьба должна была состояться немедленно, но Гусейн был арестован, ему дали большой срок. Невеста должна была ждать его. Да и кто мог осмелиться взять в жены невесту Гусейна.

Шло время. И друзья Алыпкача посоветовали ему пойти с дочерью к прокурору за справкой, что жених находится в заключении, и поэтому его дочери разрешается выйти замуж. Прокурор улыбнулся, справки такой не дал, сказав, что пусть родители не беспокоятся и выдают дочь за кого хотят, а о безопасности семьи власть позаботится. Но Джавгьарат он все-таки рассмотрел. И рассказал о понравившейся девушке своим друзьям. Те взялись ее сосватать. И сосватали Джавгьарат, которая к тому времени работала на консервном заводе и была комсомолкой. Но отец невесты поставил условие: брак должен состояться по шариату, хотя знал, что для прокурора в то время сделать это было невозможно – за это он мог лишиться должности, работы и даже быть осужден. Но Юсуп согласился выполнить условия отца. У кадия упали очки, когда он услышал об этом. Однако обряд совершил по всем правилам.

В один из дней отца вызвали в обком партии. Оказалось, поступило письмо-заявление о том, что прокурор – защитник закона – женился по шариату вопреки убеждениям советского коммуниста. Бюро собралось в полном составе, и его исключили из партии, сняли с работы. Но затем это решение было пересмотрено (мол, полюбил горянку, пошел навстречу желанию отца): его оставили в партии и назначили первым секретарем райкома партии в Хасавюрте. Отец работал там, а в Махачкале родилась я, и вскоре Юсупа Гереева перевели в Махачкалу работать в Наркомземе. Затем его назначают заместителем председателя Дагколхозсоюза. И он начинает активное участие в строительстве колхозного строя, в частности, в селении Кумторкала, Шамхал-Термен, Тарки. Затем Юсуп обосновался в Кумторкале, организовал правление колхоза, председательство взял на себя, агитировал население вступать в колхоз, но часть населения противостояла его призывам. На одном заседании правления колхоза сельчане напали на членов правления – кто с вилами, лопатами, палками, кинжалами – крушили мебель, били людей. Это происходило ночью. Члены правления отступали, оборонялись без оружия. Отступая, Юсуп оказался спиной к обрыву и с довольно большой высоты сорвался в бездну. А Шахмурзу Коркмасова били кинжалом, он истекал кровью. Посчитав, что Шахмурза мертв, его обложили камнями и разошлись. Но Шахмурза был жив, он только притворился мертвым, чтобы его не добили. Он выбрался из-под камней и приполз на вокзал. Сообщили в Махачкалу, пришел товарный вагон с солдатами. Солдаты утихомирили население.

Юсуп вернулся домой с порезанными руками, одежда на нем висела лохмотьями... Но работа правления возобновилась, люди пошли в колхоз семьями, неся свои ценности, ковры, золотые изделия для покупки сельхозмашин. Юсуп организовал курсы трактористов, шоферов, послал кумторкалинцев учиться на агронома, колхоз заработал, и Юсуп вернулся в Махачкалу. А Шахмурзу Коркмасова в 1938 году арестовали, после чего он пропал.

Школьные каникулы я проводила в Халимбек-ауле. Халимбек-аул славился своей черешней, абрикосами. Сельчане со всеми своими проблемами обращались к моему папе. Он безумно любил Халимбек-аул и решал все проблемы, даже материальные. Мама, бывало, иногда из-за этого ссорилась, как-то он раз и навсегда сказал ей: эти люди дали мне жизнь, и так будет всегда. На всех свадьбах за невестой посылали меня, маленькую девочку, и представляли: это дочь Юсупа.

Имея юридическое образование, Юсуп Гереев долгое время работал в судебных инстанциях. Общение с самыми разными людьми дало ему богатейший материал для творческой деятельности. Он был горячим пропагандистом новой жизни. Написал ряд публицистических брошюр. В двадцатые годы в дагестанскую литературу пришли новые писатели, вышедшие из народной среды, получившие образование уже в советской школе. К ним принадлежал и Юсуп Гереев. Вначале он печатался в основном в газетах, а затем стали появляться его произведения и отдельными изданиями.

В 1927 году на кумыкском языке вышли сборники новелл Ю. Гереева «Спутник Муллы Насреддина» и «Беки и адаты». В 1928 году были изданы его книги переводов на кумыкский язык норм советского права. В 1936 году он назначается ответственным секретарем Союза писателей Дагестана. У меня был список всех его книг, но я отдала его внуку Юсупа Гереева – Юсупу Герееву-младшему, который живет в Москве.

Папа получил квартиру в доме НКВД, на улице Пушкина в Махачкале. В этом доме жили все руководители города, в том числе председатель НКВД Ломоносов. Над головой отца начали сгущаться тучи. На имя Ломоносова поступило письмо, что в кабинете ответственного секретаря Союза писателей Дагестана собираются люди, исключенные из рядов компартии, считающиеся врагами народа. В частности, Багаудин Астемиров. Да, он часто бывал в кабинете Ю. Гереева вместе со своей красавицей-женой Гатай. Это были его товарищи, товарищи по партии, честные, мужественные, которые строили советскую власть, не щадя себя. Он был уверен, что происходит ошибка, все обязательно прояснится, но выяснилось другое. В Москве были

арестованы Тату Булач, Магарам Карагишиев, Хизри Арсланбеков. Это сразило Ю. Гереева, он потерял надежду на хорошее. Вскоре стало известно, что начинается над ними судебный процесс. Юсуп в это время был в Москве. Идти на суд было небезопасно, но Джавгьарат, моя мама, пошла на суд, ведь судили близких людей. Процесс проходил в Верхсуде на улице Маркова, и суд вынес приговор – одному 5 лет, другому – 8 лет.

Юсуп вернулся из Москвы готовый ко всему. Расслаблялся он только в обществе Татама Мурадова. Татам играл на агьач-кумузе, пел, и всегда у них была бутылочка водки за 3.15. Папа слушал Татама, восхищался его голосом, говорил: ты наш Лемешев, ты должен учиться в Москве… А то вдруг вскакивал, шел к своему письменному столу и начинал что-то записывать. С Татамом у нашей семьи были особые отношения, почти родственные.

У Татама Мурадова было 8 детей, но он потерял их в раннем возрасте. Асе умерла в 10 лет, Зое было 13-14 лет, когда она умерла, она была моей подругой. Когда ей было 6 лет, она в Кремле танцевала лезгинку в ансамбле своего отца, и И. Сталин ей и ее партнеру надел на руки золотые часы. Антон и Мурад ушли из жизни в течение недели: Антон – в понедельник, Мурад – в пятницу. Антон был режиссером на телевидении, Мурад работал в Кумыкском театре, писал музыку. Шарапутдин стал летчиком, когда он поет, кажется, он напоминает дядю Татама своим голосом.

Мой отец, Юсуп Гереев находил утешение в обществе большой семьи родственников Татама Мурадова.

Когда он в последний раз вернулся из Москвы, то сказал маме: будь готова к самому худшему, а чтобы вы не оказались на улице, надо купить жилье. Мама начала продавать вещи, даже самовар продала, который подарила нам бабушка. Купленный дом состоял из комнаты со стеклянной галереей и сарая. Когда шел дождь, мы в комнате сидели под зонтиком. Этот дом пустовал до 15 октября 1938 года. В этот день папу вызвали в обком партии. Как только он вошел в кабинет первого секретаря, ему сказали: положи партбилет на стол. Он положил, а за спиной уже стояли два человека – так он был арестован.

Обвинялся мой отец за измену родине, в подготовке вооруженного восстания, в участии в контрреволюционных организациях и подготовке террористических актов. Ему грозил расстрел. У нас произвели обыск, он шел до утра, забрали несколько мешков рукописей отца, черновиков, тогда он писал пьесы «Махач Дахадаев» и «Шамиль».

Благодаря принятым мерам мы имели крышу над головой, а некоторые семьи, выселенные из квартир, оставались на улице под снегом и дождем. Мама купила корову и отвезла ее в Шамхал-Термен, где жила бабушка, она нам привозила молоко, сыр. Так началась наша новая жизнь.

Мама ходила к следователям, они советовали ей не ждать отца, его судьба решена, мол, устраивайте свою жизнь. Но мама была уверена, что его скоро освободят. Она хотела нанять защитника, а ей говорили: он сам себе защитник. Она носила передачи в НКВД каждый месяц и получала от него записки. Всякий раз он просил присылать простыни, наволочки. Мама удивлялась, зачем ему столько простыней, наволочек, думала, зная его характер, что он кому-то их отдает. Потом выяснилось, что на простынях он писал жалобы и отправлял в Москву, в этом ему помогали уголовники. Что удивительно – жалобы доходили по адресу. Он каждый день ждал исполнения приговора, расстрела.

Уже в ноябре 1939 года за ним пришли. Он вышел готовый к концу своей судьбы. Он вспомнил наши голоса в ночь 15 октября, слышал, как нас выселяли из квартиры. Вспомнил, как следователь добивался его признания в предъявленном обвинении, как он стоял несколько дней с подвешенными вверх руками; как преданные сыны Дагестана не выдерживали пыток, разрезали себе вены, умирали; как некоторые умирали прямо на допросах: они не могли согласиться на то, что им предлагали подписать. Родным же их сообщали, что умер, мол, от дизентерии. Юсуп Гереев после таких допросов решил подписывать все, что предлагали, он принял на себя все, что хотели следователи.

Его вывели из камеры, но повели не в ту сторону, куда он думал, а в парикмахерскую, потом – в баню, одели. Он подумал, что так, видимо, положено приводить человека в порядок перед смертью. Но, к его удивлению, повели в кабинет Ломоносова. Встреча с этим человеком для него была страшнее смерти. Открылась дверь, Ломоносова в кабинете не было. А стояли и сидели совершенно незнакомые новые военные в больших чинах. Один из них пригласил сесть, дал закурить. После паузы сказал: «Гереев, вы подтверждаете, что подписали на допросах?». «Нет», – ответил он. «Вы подтверждаете, что писали на простынях?» – «Да», – ответил отец. «Ломоносов арестован, вот вам бумага, чернила, устраивайтесь за этим столом и теперь пишите на бумаге». Писал он два дня, были допросы, затем он почувствовал к себе более доверительное отношение, что дало ему надежду на освобождение. 9 января 1940 года в 2 часа ночи его выпустили. Была лютая зима, снег лежал по колено и еще падал хлопьями. Он направился к маминой сестре на улице Оскара, у самых дверей он упал и потерял сознание.

Мамина сестра с мужем втащили папу в комнату, привели его в чувство, а на рассвете привели домой. Мы, дети, не узнали его, он был с бородой, постаревшим. Пару дней он не выходил из дому, мама готовила ему любимые блюда, он особенно любил хинкал и курзе. Постепенно он набирал силы. Вскоре родители продали дом, корову и купили одну комнату по улице 26 Бакинских комиссаров, пристроили еще одну комнату. Папа устроился на работу адвокатом в нарсуде, проработал около месяца, почувствовал, что ему не доверяют: отношение было как к врагу народа – и он ушел. Устроился в Дагмаслопром юристом, но там было то же самое. Он сказал маме, что жить ему было легче в камере НКВД, чем на воле: я освобожден, но ярлык врага народа на мне висит, за мной следят. Потом он принял предложение поехать директором в Чонтаульский совхоз, где мы и обосновались.

Началась Великая Отечественная война, мне тогда было 11 лет. Папа сказал нам, что подал в военкомат заявление, что хочет пойти на фронт добровольцем. Но ему отказали. Бывая в Хасавюрте, он останавливался там у маминого брата Алимурзы, который работал судьей. Алимурза и его сестра рано осиротели и жили в свое время у нас, папа помог им встать на ноги, получить образование. К Алимурзе отец обратился однажды с просьбой: если со мной что случится, позаботься о моей семье, меня могут снова арестовать.

Он ушел в тот день от Алимурзы, а через несколько часов Алимурзе сообщили о трагедии. Это случилось 27 ноября 1941 года. В последнее время

он часто говорил маме, что хочет поселиться в дремучем лесу, взять с собой много бумаги, чернил и – писать, писать. А тут маме сообщили, что он еще жив. Ночью нас на подводе повезли в Хасавюрт. Зима была холодная, снежная, наша телега передвигалась с большим трудом. Мы сидели закутанные в тулупы, сопровождающий нас человек сделал остановку в одном селе, чтобы погреться. И там мама услышала, как хозяйка дома шепотом спросила, знаем ли мы, что он погиб. И мы поняли, что едем хоронить нашего папу, и уже больше никогда не увидим его. Папа наш устал жить в свои 38 лет. Версии были разные… Похоронили его в Хасавюрте.

Моей маме тогда было 34 года (20 лет она носила траур и сняла его в день свадьбы сына). Мне было 11 лет, брату 5 лет. Чтобы нас прокормить, мама по ночам пекла хлеб, а днем продавала. Мама сохранила свою преданность папе до последних дней своей жизни.

17 июля 1958 года маме в КГБ выдали справку о полной реабилитации отца. Начали появляться статьи о нем. Автором первой публикации был Булач Гаджиев, он рассказал о происхождении отца, чего мы не знали. Сам он никогда об этом не говорил. Знали только, что он из селения Халимбек-аул. Помню, в детстве он гладил меня по голове и говорил: вот подрастешь и я тебе расскажу много интересного. Уже когда я работала, меня вызвали в КГБ к полковнику (если не ошибаюсь, Парфенову), он меня проводил в свой кабинет и, стоя за своим рабочим столом, рассказал, кто был мой отец Юсуп Гереев. В заключение он сказал: ваш отец был высокообразованным человеком, преданным советской власти, коммунистом, который много сделал для Дагестана. Мне больно было слышать эти слова после всего пережитого им и нами, я плакала.

Мама моя была для папы не только женой, но и другом. После его смерти и реабилитации она ходила по инстанциям и напоминала о нем. В Москве переиздали его книгу «Весна, пришедшая с севера». Но в выплате гонорара отказали, дескать, авторский срок истек. До ареста были написаны две пьесы: «Шамиль» и «Махач Дахадаев». В честь Махача Дахадаева он и своего сына назвал Махач. Эти пьесы чудом сохранились во время обыска. Мама их берегла. Во время войны мама решила пьесу «Шамиль» сдать в Кумыкский театр, тогда директором театра был (если не ошибаюсь) Измайлов. Он принял пьесу за гроши, но важны были не деньги, а имя отца. Вскоре появилась афиша спектакля, но на сцене он так и не был сыгран. В то время о Шамиле шли разные толки. Афиша была снята и дальнейшая судьба пьесы мне неизвестна.

А пьеса «Махач Дахадаев» хранилась дома. Многие просили у мамы ее почитать, в конце концов исчезло много листов. А однажды к нам пришла работница республиканского музея Хадижат Гаджиева и попросила дать в музей все, что сохранилось из личных вещей отца. Мама отдала его личный портфель, в котором лежала пьеса «Махач Дахадаев».

Я ходила в музей, но ни портфеля, ни рукописи не нашла. Такова судьба и этой пьесы.

Мама решила обратиться к секретарю обкома КПСС Абдурахману Даниялову. Впечатление о встрече с Абдурахманом Данияловичем у мамы осталось на всю жизнь. Когда она неуверенно присела на предложенном стуле, Абдурахман Даниялович вышел из-за своего стола, сел против нее и, подперев ладонью щеку, внимательно выслушал. Ее покинуло волнение, появилось чувство доверия к этому человеку, который так внимательно слушал убитую горем горянку. И мама получила ордер на квартиру, в которой живем по сей день. Абдурахман Даниялович был единственным человеком, который помог семье Юсупа Гереева.

Шли годы. В одном из номеров «Дагправды» я прочла доклад секретаря обкома КПСС тов. Умаханова, который, будучи в служебной командировке в Латвии, сказал: ваш земляк стал известным кумыкским писателем в Дагестане, его зовут Юсуп Гереев. Латыши заинтересовались, я получила телеграмму главного редактора газеты «Советская Латвия», приезжали ученые, журналисты, всех интересовали вопросы, на которые я ответить не могла. Пошла в архив обкома партии, мне дали тоненькую папочку с несколькими листиками. Я поняла, что это не все его дело, и ответов на интересующие вопросы не нашла. В Союз писателей приезжал писатель из Латвии, пришел к нам домой, просил показать его могилу. Мы поехали в Хасавюрт на кладбище. Он встал у ног его могилы на колени и что-то говорил на латышском языке. Я сказала ему, что отец никогда не думал, что кто-то приедет с его родины и станет на колени у его могилы.

Было много публикаций о моем отце, были добрые воспоминания, были и жестоко несправедливые. Писали люди, которые не знали и не знают, кто такой Юсуп Гереев. Я благодарна профессорам, которые писали о нем, благодарна всем студентам, которые писали о его творчестве дипломные работы. Благодарна Юсупу Хаппалаеву, который как-то в передаче по радио сказал о нем: «Я работал с прекрасным человеком, писателем Юсупом Гереевым». Было приятно это слышать, когда Юсуп Гереев еще оставался в тени.

Когда я писала о папе, мне каждую ночь снилась мама, как будто она боялась, что я могу что-то забыть, и напоминала мне обо всем. Она была очень молода и красива, когда осталась с двумя детьми, и жила только воспоминаниями о папе. Она могла бы выйти замуж, устроить свою личную жизнь, как сделали ее подруги. Она часами рассказывала о людях, которые были близки нашей семье, и о друзьях папы. Тогда я слушала ее и не понимала, как важно все знать. Теперь я благодарна ей за то, что она передала мне, и я могу рассказать обо всем людям.

Внук Юсупа Гереева мечтал стать юристом, получить профессию деда. В Москве он получил юридическое образование, работал там, последние годы был заведующим адвокатской фирмой «Юстина». Продолжатель фамилии – Артур Гереев, сын Юсупа-младшего, заканчивает школу в Москве, кем станет пока не определился. Внучка Юсупа-старшего учится в 8 классе. Однажды она пришла из школы и говорит, что учительница, которая ведет дагестанскую литературу, подняла ее и просила рассказать о своем дедушке. «Я ничего не могла рассказать, и мне было очень стыдно». Я благодарна учительнице Дженнет Якубовне, что она считает должным об этом помнить. А я не посвящала девочку в историю нашей семьи, считала, что рано.

Мне было очень трудно вспоминать, было тяжело писать, у меня поднималось артериальное давление, но теперь я выполнила свой долг перед продолжателями фамилии отца, и они будут знать, кто был их дедушка – Юсуп Гереев. Надеюсь, что его будут помнить дагестанцы.

(Печатается в сокращении)

Елена БАКИДОВА

Каждый тающий миг – это дар...

* * *

Море – туманное, тихое, темное,
Призрачно-зыбкое в свете луны,
Шлепая мягко тяжелыми волнами,
Видит свои необъятные сны.
Чем оно грезит в глубинах немереных,
Тайны какие скрывает в себе,
Что отражает на бликах серебряных
В непроницаемо-черной воде?
Мысли его, для людей непонятные,
Плавно текут, продолжаясь в веках.
Тысячи лет, сохраненные в памяти,
Море плескает в спокойных волнах.

* * *

Холодная свежесть ноябрьского ветра
И небо в разводах сырых облаков.
Нет солнца –
лишь серость унылого света –
Как серость асфальта и серость домов.
Деревья стоят, как забытые свечи,
И тусклые листья дрожат на ветру.
Весь день – как большой
растянувшийся вечер –
Закат состоялся еще поутру.
Все люди вокруг почему-то похожи:
Похоже шумят и похоже молчат.
Я думаю:
завтрашним утром, быть может,
Мы вместо рассвета увидим закат.

* * *

Ненавязчивый вечер недолог,
Душный воздух и густ, и тяжел.
Ночь тихонько задернула полог,
Чтобы день до утра не пришел.
Слышишь –
сердце стучит безмятежно,
Потому что ему хорошо,
Потому что неясная нежность
Наплывает еще и еще…
Протяни эту жесткую руку
И коснись осторожно лица…
Знаешь, если мы ходим по кругу,
Я останусь кружить до конца.
Подбородок щетинист и колок,
Стук внутри - словно грохот шагов…
Ночь тихонько задернула полог,
Прикрывая чужую любовь.

* * *

Снова приблизилась осень –
Снова холодные будни.
Дождь – серебристая просинь –
Будет звенеть безрассудней.
Будут нечастые встречи
Только еще драгоценней,
И прибывающий вечер
Спрячет нас в сизые тени.
Вянущих листьев дыханье –
Это прощение свыше,
Это почти обещанье
Все наши просьбы – услышать.
И величавость обета,
И избирательность счастья
В этом прощании лета
С временем собственной власти.

* * *

Предзакатного солнца золото
Разливается мягким светом,
Заполняет собою комнату,
Поздравляет с пришедшим летом.
Облака бестелесно-снежные
Заливаются алой краской,
Ветер что-то бормочет с нежностью,
С несерьезной воздушной лаской.
И в траве шелестит расслабленно
Успокоенный тихий лепет,
И деревья вздыхают сдавленно
Сквозь пугливый зеленый трепет.
День уходит – легко и медленно,
Теплый воздух пропитан ленью.
Подбирается вечер ветреный
Осторожной неслышной тенью.

* * *

Звезды прятались в тучах слепых,
Ветер мчался в обрывках небес…
Эта ночь нам была на двоих
Как одно из случайных чудес.
А слова спотыкались в пути,
А слова рассыпались, как прах,
А слова догорали в груди,
Не родившись еще на губах.
Слабый звук ускользал, как беглец…
Не тревожь этих слов, не тревожь!
По биенью спешащих сердец
Ты увидишь, прочтешь и поймешь.
Ты заметишь смятение глаз
И неловкую скованность рук
И услышишь единый для нас
Стук в висках, оглушающий стук.
И реальность, к которой привык,
Неожиданно скроется прочь…
Ты поймешь, что не нужен язык
В эту долгую темную ночь.

* * *

Эти руки…
Они дожидались меня,
Дожидались,
чтоб только коснуться лица,
Чтобы пальцами слепок
невидимый снять,
И запомнить его,
и хранить до конца.
Дожидались,
чтоб тихо скользнуть по плечам,
Замереть
и сдержаться на самом краю,
Чтобы рядом
вслепую искать по ночам
В темноте –
не твою, не твою, не твою…
Дожидались,
чтоб скрыться в моих волосах
И ласкать их,
сплетая пушистым узлом…
Чтоб потом прикрывать,
заслоняя глаза,
Бесприютной души
наболевший надлом?

* * *

Пусть на землю сойдет темнота
Без рассветов, без звезд, без зарниц,
И невидимой станет черта,
Проводившая сотни границ.
И разрушится мир до основ,
И свобода падет на людей…
Дай мне руку, скажи, что готов
К темноте миллионов ночей.

Нет начала, не будет конца,
Нет ни поводов и ни причин.
Сделай шаг – и коснешься лица,
И поймешь, что уже не один.

Распадается бремя оков
Под ударами черных мечей…
Дай мне руку, скажи, что готов
К темноте миллионов ночей.

Ослепленное время стучит
Гулом крови в горячих висках,
И молчание мира кричит
Обо всем, что не скажешь в словах.
Между пальцами плавится вновь
Мягкий воск несгоревших свечей…
Дай мне руку, скажи, что готов
К темноте миллионов ночей.

* * *

А сказка неожиданно сбылась,
И кажется реальность нереальной,
И зеркала задумчивые глаз
По-новому светлы и беспечальны.
Умение молчать и понимать
Родилось и по-взрослому окрепло…
Мне хочется, как Феникс, воскресать –
Сгорать в любви и восставать из пепла.

* * *

В призрачной тишине
Скалы баюкают море.
Чайка, прижавшись к волне,
Кричит, словно плачет в горе.
Темные тени вокруг
Мечутся, потревоженные.
Лунный сияющий круг –
Словно из света сложенный.
Ветер затих и заснул
В черной туманной вечности.
Скалы несут караул –
Стражи ночной бесконечности.

* * *

Бледный узенький луч
на стекле – не горяч,
И лишь тусклую память
о солнце хранит.
Завернувшись в холодный
негреющий плащ,
Собирает зима быстротечные дни.
И в ее ледяную и твердую длань
Ускользают мгновенья разлук и тревог.
Каждый тающий миг –
это дар, это дань,
Что берет беспощадный карающий бог.
Как сквозь слабые пальцы
струится вода –
Так теряются дни в затуманенной мгле.
Так бегут ниоткуда, бегут в никуда,
Даже след позабыв
оставлять на земле.

* * *

Я растворюсь в тебе, осень,
И заключу свою душу
В неба холодную просинь,
В темно-зеркальные лужи,
В ясное золото веток,
В мятые клочья тумана,
В бледную серость рассветов
И предрассветных обманов.
Светлая магия грусти
Смоет чужое, земное,
Бренное тело отпустит
И на века успокоит;..
Я вместе с осенью буду
В мире покинутом реять…
Плакать о нем – не забуду,
Вспомнить его – не сумею.

* * *

Я уже не хочу
Находить тебя взглядом,
Я все больше молчу,
Если ты где-то рядом.
Не вини никого –
Мы спокойно расстались,
И почти ничего
Вспоминать не осталось.
Золотой огонек
Догорает ненужным.
Доживает свой срок
Наша странная дружба.

* * *

Заунывная тусклость
бессолнечных дней
И затянутый тучами
склон небосвода…
Солнце бьется мрачней,
холодней и больней,
Стуком меряя дни уходящего года.
И сливается ветер с дыханьем моим,
И под пылью дорожной
следы мои прячет…
Это год умирает, а я вместе с ним,
Я почти ничего уже больше не значу.

* * *

Кому – печали, кому – удачи,
Кому-то – радость, кому-то – горе,
Но только время переиначит
Все, что казалось таким бесспорным.
Переоценит, перерассудит,
В другие рамки легко уложит,
И то, что было, и то, что будет,
Сегодня верно, а завтра ложно.
Зачем нам ворох ненужных истин,
Который мы же смешаем с сором?
Какую правду мы вечно ищем,
Копаясь в свалке людского вздора?

* * *

Кто сказал, что любовь – это счастье?
Разве счастье бывает так ложно?
Дама хищная пиковой масти
Щурит глаз:
«Не люби. Если сможешь!»
Мне досталась неверная карта –
Видишь, я опоздала родиться.
В чистом небе холодного марта
Плещет крыльями черная птица.
И чужие глаза так устало
Из разбитого зеркала смотрят…
И лицо несчастливым оскалом
Две короткие трещины портят.

* * *

Ночь.
И дождь гнет траву
с неожиданной силой,
Ветер жадно срывает
с деревьев листву.
Снова вихри взбесившейся
черной стихии
Опьяняют меня, и зовут, и зовут…
Я влечу в эту ночь
сумасшедшею ведьмой,
Закружусь в ослепляющем танце грозы,
В эту ночь – пусть она
даже будет последней! –
Я свое отживу за никчемную жизнь!
Я зажгу над горами пожары из молний,
Небо вспыхнет
бушующим шквалом огня.
Я сожгу свою душу,
чтоб больше не помнить
Ничего, что с людьми единило меня.
Море будет греметь
в исступленьи валами,
Брызги пены взлетят
выше звездных вершин,
Я спою в один голос
с седыми ветрами
Песню древних богов
и свирепых богинь.
А потом я растрачу себя без остатка,
И гроза беспощадно поглотит меня…
Пусть всегда так живут –
безоглядно и кратко, –
Свою смерть принимая
как вспышку огня.

* * *

Я не знаю,
где мне искать любви,
И не знаю, зачем мне нужна она –
Этот жар, не остывший в моей крови,
Эти долгие ночи почти без сна.
Я не знаю,
как счастье мое привлечь,
И не знаю, а есть ли оно вообще,
Я боюсь свое сердце случайно сжечь,
Разжигая несмелый огонь в душе.
Я не знаю, а стоит ли так играть,
И не знаю всех правил игры еще…
Может быть,
мне не надо так долго ждать,
Если Он до сих пор меня не нашел?

* * *

Никому не нужная любовь
И тоска о том, что нет надежды,
Как огонь – расплавленная кровь,
Горькая неотданная нежность,
Стон глухой измученной души,
Мертвая слепящая усталость,
Страха раскаленные ножи,
Режущие жизнь – такую малость,
Боль глубоких незаживших ран,
Черный блеск не выпитого яда
Сквозь прозрачный ледяной стакан -
Все всегда со мной, извечно рядом.

ПРОЗА

Муслим МАГОМЕДОВ

Басни в прозе

ЧУТОЧКУ ЛУЧШЕ…

В небольшой домик лесника, расположенный на опушке леса, повадилась лиса. Она перетаскала столько живности, что терпение у лесника иссякло, и он решил любым путем изловить воровку.

После долгих тщетных попыток усилия его увенчались успехом, и плутовка оказалась в капкане, живая и почти невредимая. Лесник повесил ее на сучок дерева недалеко от дома, и начал снимать с нее, еще живой, роскошную оранжевую шкуру.

Устав от непривычного занятия, он отошел от дерева и, присев покурить, спросил с нескрываемым ехидством: «Ну, как теперь дела, кума?»

– Да как тебе сказать, – ответила полуживая мученица. – Не скажу, что особенно хороши, но все же чуточку лучше, чем у зятя, живущего у тещи…

ЧЬЯ ВОЗЬМЕТ, ТОГО И ПРАВДА…

К одному из самых богатых жителей аула, Герейхану, нанялся в работники безродный мальчишка – сирота из казаков Ваня. Был он скромен, трудолюбив, смышлен и немногословен, и не отказывался ни от какой работы: Герейхан был доволен им сверх всякой меры.

Прошло несколько лет. Мальчик вырос, окреп, раздался в плечах, превратился в ладного, рослого, широкоплечего юношу. Иван свободно говорил на местном языке, отлично знал и неукоснительно соблюдал все аульские обычаи и порядки. Если бы не цвет глаз и лохматой шевелюры, едва ли бы кто признал в нем иноплеменника.

Когда же он попросил у хозяина разрешения обратиться к имаму сельской мечети с просьбой о принятии его в лоно ислама, об Иване заговорил весь аул. Над ним совершили все требования обряда, подвергли обрезанию, дали новое имя – Гасан.

Как и положено по сюжету, у Герейхана был только один ребенок, любимая дочь – красавица Марзият. Случилось так, что Гасан полюбил ее, и она дала ему понять, что он ей тоже не противен. Выбрав удобный момент, жена сказала Герейхану, что его любимица заглядывается на Гасана и что, по ее мнению, он был бы неплохим мужем для их дочери, хотя желающих стать их зятем хватает и без Гасана…

Через месяц состоялась свадьба. А потом молодые стали жить отдельно.

Спустя какое-то время Марзият заметила, что Гасан начал носить нательный крест, и сообщила об этом матери, а та – Герейхану. Тот пригласил зятя к себе и спросил напрямик, правда ли то, что сообщила их дочь. К немалому своему удивлению он получил утвердительный ответ.

– Аллах – один, – объяснил свой поступок Гасан. – Различия между исламом и другими религиями не очень большие и сводятся к мелочам. Если я, переселившись в лучший мир, обнаружу, что в этих мелочах были правы христиане, я покажу свой крест. Если же окажется, что они были неправы, мне также есть что представить…

ЧТО ТУТ НЕПОНЯТНОГО…

Известно, что в каждом ауле бывает свой дурак, свой пьяница, свой вор и своя распутница. В одном из аулов дураков оказалось даже два. Правда, дураками их считали только окружающие, сами-то они прекрасно знали, что умниц, подобных им, надо еще поискать.

Однажды оба они, рассматривая старинную красавицу-мечеть, никак не могли взять в толк, как удалось возвести такое высокое здание.

– Наверное, раньше люди были в десять раз выше ростом, и это не составляло для них труда, – предположил первый.

– Ну и остолоп же ты, – заметил второй. – Не зря тебя все дурнем называют. Ведь мечети раньше собирали на земле, а потом поднимали – что ж тут непонятного…

НЕ ИЩИ ТАМ, ГДЕ НЕТ…

Джамбулат отчаянно и без всякого повода ревновал ко всем и каждому свою скромную и тихую жену Мадинат. На этой почве между ними часто возникали скандалы. И однажды в гневе Мадинат бросила мужу в лицо: «Не клевещи на меня, если б я захотела сотворить мерзость, я бы смогла сделать это твоими руками». Муж только расхохотался.

Однажды, спустя какое-то время, Джамбулат дремал на тахте, а жена месила тесто, делала она это левой рукой, поливая правой воду из кувшина.

– Послушай, – обратилась она к мужу. – Мне приспичило по малой нужде, а я не могу развязать тесемку на шароварах одной рукой, другая – в тесте, помоги.

Тот развязал тесемку, и Мадинат, придерживая шаровары чистой рукой, спустилась в сарай на первом этаже дома, к месту, куда клали сено для скота.

Вернувшись минут через десять, слегка вспотевшая Мадинат попросила мужа завязать тесемку и продолжила прерванное занятие… Только в глазах ее мерцали недобрые и торжествующие огоньки.

ОТ ДОБРОТЫ СЕРДЕЧНОЙ…

Жили в одном ауле четыре неразлучных друга, что называется – не разлей вода. Всегда они бывали вместе – в работе, на отдыхе, в радости и печали. Один из них, Салаутдин, женился по любви на очень красивой, застенчивой и трудолюбивой односельчанке Барият. Через год после женитьбы Салаутдин, переплывая бурную реку, утонул, не справившись с течением. Тело его нашли только на четвертый день.

Спустя полгода трое друзей покойного Салаутдина, постоянно помогавшие вдове, сидели в одной веселой компании и вспоминали своего товарища. Потом, когда вино начало делать свое дело, они вспомнили и Барият. Поговорили о ее скромности, красоте и безупречном поведении.

Запир, охмелевший больше друзей, заметил, что Барият действительно красива и скромна, но вот что касается безупречного поведения, то это – до первого удобного случая. С ним не согласились, разгорелся спор, и Запир заявил, что готов спорить на что угод-

но, что за пару дней добьется ее благосклонности, и она будет в его постели.

Поспорили на буйвола: если Запир добьется своего, оба его друга отдают ему по буйволу: если же он получит от ворот поворот, своего единственного буйвола отдает друзьям Запир. На том и порешили.

Проснувшись на другое утро, отрезвевший и донельзя расстроенный горе-ловелас понял, что бахвалился он зря, что Барият ему не видать как своих ушей. И что с единственной буйволицей, надежной кормилицей семьи, придется распроститься.

В тот же день он пришел к Барият и честно обо всем ей рассказал: о выпитом вине, своем бахвальстве и условиях спора. И добавил, что или его дети остаются без молока, а семья без кормилицы, или она спасает их от нищеты. И она его пожалела…

Наутро Запир рассказал удивленным друзьям о выполнении своего обещания, и число его буйволиц выросло до трех. Потом двое проигравших спор решили, что они ничем не хуже этого счастливчика, и также вполне заслужили сладкий приз. Потом об этом узнали все…

И когда один из почтенных аульских старцев, встретив как-то Барият, спросил, как она, дочь благочестивых родителей, красивая и скромная, смогла дойти до жизни такой, и что толкнуло ее на скользкий путь сладкого порока, она ответила, что всему виной доброта ее сердца – пожалела детей и семью Запира. А дальше все пошло кувырком…

ИСПЫТАНИЕ

В годы, когда религия была еще в загоне, а вера в Творца почиталась за оголтелое мракобесие, в одном из аулов произошел такой случай.

Имам проводил пятничную проповедь, когда в мечеть нетвердой походкой вошел огромный детина с большим, как лопата, обнаженным окровавленным кинжалом в руке. Имам замолчал, люди изумленно притихли.

– Есть ли среди вас хоть один мужчина, – спросил голиаф, дико вращая глазами, – готовый засвидетельствовать, что Аллах один, а Мухаммад – Его посланник?

– Я готов сделать это, и свидетельствую, что Аллах один, а Мухаммад, мир ему и милость Создателя – Его посланник! – раздалось из задних рядов, и вперед неспешной походкой вышел колхозный шофер Муртазаали.

– Пошли со мной, – свирепо произнес незнакомец, грозно сверкнув глазами.

И оба они двинулись к выходу.

Спустя какое-то время верзила опять вошел в мечеть со своим кинжалом-лопатой. И те, кто сидел в первых рядах, заметили, что кровь на лезвии кинжала была свежей…

– Так кто еще из вас готов подтвердить, что Аллах один, а Мухаммад – Его посланник?

В этот раз ему никто не ответил. Тогда один из находившихся в мечети показал глазами на имама и с ядовитой иронией заметил:

– Вот он может засвидетельствовать сказанное Муртазаали.

Имам отреагировал мгновенно:

– А ты уверен, что мне это под силу?

И тогда верзила громко расхохотался.

– Друзья мои, – сказал он. – Я хотел проверить, насколько твердо проникла вера в ваши сердца, и дал слово зарезать и подарить по крупному барану каждому, кто отважится произнести свидетельство веры перед лицом опасности. Я пригнал для этого пять лучших своих баранов. Но оказалось, что я слишком хорошо о вас думал, и потому мне пришлось зарезать для Муртазаали и второго своего барана…

Наступила тишина. Верзила оглядел всех и продолжил:

– Правда, могу вас утешить: в своем родном ауле мне не удалось зарезать даже одного барана.

СЪЕЗД

В густой и темной труднодоступной лесной чаще деревья проводили свой съезд. Тут были все – и солидные дубы, и гордые высоченные сосны, и стройные ели, и кокетливые красавицы-березы, и роскошные грустные ивы, и прочий немногословный лесной люд.

На повестке дня стоял только один вопрос – как уберечь от полного уничтожения бессловесный свой народ, который вырубает любой топор, которому не лень.

Каждый говорил свое, и никто никого не слушал. Одни предлагали переселиться (пока не всех еще переселили в лучший мир) туда, где больше простора и меньше топоров. Другие «качали права» – мол, здесь жили еще наши предки, пусть переселяются топоры, и так далее.

Когда все ораторы, надорвав голоса, выбились из сил, заговорил старый мудрый столетний дуб. «Братья мои! – сказал он. – Мы не там ищем. Топоры были всегда, и они всегда делали свое дело так же последовательно и безжалостно, но их было меньше. Теперь же их стало больше, чем нас, деревьев. Но начало наших несчастий надо искать в другом. Что такое топор? Сам по себе это лишь кусок железа, который только и может, что ржаветь, и не более того. Силу же ему придает ручка, а она из наших – деревянная. Со своих нам и надо начинать поиск наших, растущих день ото дня, бед и злоключений. Именно ручки-иуды за полированную, гладкую, сытую и спокойную жизнь предают интересы нашего лесного братства: надо нам их выявить.

Через день дуб сгорел. Наверное, молния ударила…

ПОКАЯНИЕ

Одному умному коту надоело за глупыми мышами гоняться. И вот как-то раз он оповестил их, что хочет сделать важное заявление для мышиных средств массовой информации.

В назначенный день кот предстал перед изумленными мышами облаченный в роскошный темно-синий халат и в искусно повязанной белоснежной чалме.

– Друзья, – сказал он. – Я сильно перед вами виноват. Грехи мои столь тяжки, а преступления настолько ужасны, что ни на ваше прощение, ни на милость Творца я почти не рассчитываю. Скольких из вас я убил ни за что, изувечил шутя и изуродовал играючи – трудно даже представить. Нет мне не только прощения, но и места на земле.

Все, что я намерен делать оставшуюся жизнь, – это поститься и каяться и молить небеса о снисхождении за свою беспутную и преступную жизнь. Решил я для начала совершить паломничество на святую землю, ибо питаю крохотную надежду… нет, не на прощение, а понимание с вашей стороны и снисхождение Того, в чьих руках моя и ваша жизнь.

Чтоб хоть частично искупить причиненное вам зло, хочу выслушать ваши претензии, просьбы и пожелания. Может, за кого-то из вас или убиенных мною родичей ваших надо мне помолиться в мечетях благословенной Мекки и лучезарной Медины. Буду безмерно счастлив, если удастся выполнить ваши просьбы. А остаток жизни намерен быть вашим верным защитником и неизменным покровителем. Остающи-

еся до паломничества дни буду принимать всех желающих и выслушивать их просьбы и поручения. Где меня найти, вам хорошо известно…

Самые мудрые из мышей не торопились, но широкие массы трудящихся все же потянулись к раскаявшемуся разбойнику с просьбами и подарками – путь ведь ему предстоял неблизкий.

Похоже, кот-паломник принимал «дары приносящих» так ласково и нежно, что задерживались они там подозрительно долго.

Один из запоздавших несунов перед самым жилищем кота встретил несущуюся оттуда пулей обезумевшую от ужаса мышь, успевшую на бегу пропищать: «Кот с чалмой своей расстался и за старое принялся, еле ноги унесла я, ждет теперь он и тебя…»

ДАГЕСТАНЕЦ И АЛХАМ

Некий дагестанец, добрый человек и благочестивый мусульманин, решил пешком совершить паломничество в святые города ислама. По пути на святую землю он заночевал у одного сирийского араба, который очень ласково его встретил и хорошо принял. Хозяин внимательно выслушал путника и остался чрезвычайно доволен благородным намерением своего гостя и его искренним рвением на пути ислама.

Когда в ходе затянувшейся беседы в соседней комнате в который уже раз заплакал ребенок, хозяин прикрикнул: «Сейчас же прекрати плач, иначе я сделаю с тобой то, что сделал наш гость-дагестанец с алхамом при его чтении…» (Алхам – первая, наиболее часто употребляемая сура священного Корана. И хозяин намекал на плохой арабский дагестанского пилигрима.)

СОЖАЛЕНИЕ МУРТУЗААЛИ

Давным-давно, еще в самом начале прошлого века, в центре большого села, бывшего некогда столицей ханства, у старинной мечети стоял огромный дом крупного барановода, торговца мануфактурой и землевладельца Ванати. На плоскости ему принадлежали плодородные земли, просторные кутаны и богатые магазины; в горах – обширные пастбища и многочисленные отары овец.

Он был удачлив, умен и расчетлив, но в меру добр и не скуп, и умел хорошо ладить с соплеменниками, и поэтому зависть к его богатству не рождала в них неприязни к нему.

Настал день, когда почувствовав, что пришло время сводить счеты с жизнью, Ванати собрал всех семерых своих сыновей, пригласил служителей культа и представителя местных светских властей и распределил все свое имущество в полном соответствии с установившейся традицией, не забыв ни сельскую общину, ни мечеть, ни сирот, ни вдов и немощных.

Меньшему сыну, любимцу, Муртузааали, рожденному последней, младшей, женой-красавицей, он, согласно обычаю, оставил родительский дом, часть магазинов и огромное летнее пастбище на горе.

Муртузааали, получивший прекрасное по тому времени образование, привык жить в свое удовольствие, проводя почти все свое время в развлечениях и путешествиях.

Года два после смерти отца, к большой радости братьев и немалому удивлению односельчан, он вел тихую жизнь отшельника, редко появлялся на людях и совершенно изменил прежний образ жизни, занимаясь исключительно только приумножением полученного наследства и ведя образцовую жизнь благочестивого мусульманина. Затем, также неожиданно, Муртузааали очень выгодно продал все свое заметно возросшее к тому времени имущество, включая пастбище, и даже огромный отцовский дом – его приобрел один из братьев. В селе он купил небольшой скромный домик, в Темир-Хан-Шуре приобрел такой же и с еще большим размахом принялся за прежний образ жизни.

Через десять-двенадцать лет он промотал все отцовское наследство и, вернувшись в свой маленький дом, зажил скромной безбедной жизнью сельского интеллигента тех лет, за небольшую плату обучая светским наукам детей своих односельчан и наотрез отказавшись от щедрой помощи братьев.

Потом грянула революция, и братья его, став еще беднее, чем он, уже не считали, что Муртузааали был так уж и неправ. А вскоре они и вовсе загремели в окраины бывшей Российской империи.

Новая власть его почему-то не тронула, и он, по-прежнему, занимался обучением детей новых хозяев страны. И у него тоже не было никаких претензий к властям. Только иногда, основательно поддав в кругу доверенных друзей, Муртузааали часто повторял, что, будучи полностью довольным прожитой своей жизнью, он сожалеет только об одном: что не в состоянии поцеловать свой умный желудок, пропустивший все, что у него было, не дожидаясь перехода богатства в руки хамья, босяков и бездельников…

ПОЭЗИЯ

Супиянат МАМАЕВА

Одиноко кружится земля

* * *

Когда услышишь: «Уходи!»,
Не уходи, меня не слушай.
Два «я» живут в моей груди
И криком раздирают душу.
«Уйди!» – кричит одно.
«Не смей!» –
Вдогонку буйствует другое,
И кто из них двоих – сильней?

…Скрипят ступеньки под ногою!
Пришел?
Но звук шагов тяжел…
Шаг замедляя,
Не уверен
В себе, потопчешься у двери –
И вновь уходишь, как чужой…

* * *

…И в сердце у меня
Суровый ветер воет,
Но негде спрятаться,
И вся напряжена.
К моим коленям
Скорбной головою
Приникла тишина…
Твоим глазам
Не стыдно за обман,
Их накрепко ресницы запирают…
И вот в мой тихий дом
Тугой спиралью
Вползает отравляющий туман…

* * *

Облачною тоской неизбежной,
Как простынкой меня не спелёнывай,
Плыть хочу в водопаде надежд,
Как и прежде,
Влюблённою.
Но бураном врываешься в душу ты,
Словно в гнёздышко ласточки ворон,
И гнездо моё смято, порушено,
Разворошен
Соломенный ворох…
…И теперь не завидует Солнце
Зеркалу моему,
Просто светит,
И крыла твоего чёрный ветер,
Душу тёплую мне чёрный ветер,
До последней соломинки выдует.

* * *

Как я без тебя,
Как ты без меня,
Так одиноко кружится Земля.
Чайка безмолвно
Кружит над морем,
Над траурным морем…
И даже не в силах
Крикнуть от горя,
От нашего горя…

* * *

Сердце
от боли
Медленно сжалось
В тугой кулак…
Я даже голос твой
Вспомнить
Уже не могу
никак.
Память, раздавленной вишней,
Окрасила мой кулак…
…И дождь за окном,
Ты слышишь?
Не вспомню тебя
никак…

Перевод с кумыкского И. ХРОЛОВОЙ

* * *

«Поверь, поверь!» – твердят слова твои,
Но сердце не поверило словам,
Невольно взглянуло в глаза…
Ах, этот взгляд,
Этот взгляд – младенца язык,
Не умеющий врать…
«Поверь! Поверь!» – доносятся слова,
«Не верь!
Не верь!» – кричат твои глаза.

Перевод автора

Аминат АБДУЛМАНАПОВА

Живи и здравствуй, добрый человек!

* * *

Не видала, люди говорят,
Что в горах со змеями однажды
Ползал молодой орел отважный.
Чем пленил его змеиный яд?

Может, надоела высота?
Мы не ценим крыльев, коль имеем.
И молю с тех пор я небеса,
Чтоб орлы не ползали, как змеи.

Не видала, люди говорят,
Я о том недавно услыхала:
Не воздушный змей – змея летала
В поднебесье, где орлы парят.

Небу воздающая хвалы,
Я молю, пусть в небесах витают!
Потому, что мир наш украшают
Завсегда не змеи, а орлы.

* * *

Как камешки на берегу залива
Истерлись от седых гаданий волн!
Повозку жизни тащишь, словно вол,
Не слушая погонщиков крикливых.

Встречала редко я людей счастливых,
Хотя сама к ним отношусь вполне.
Но чувств моих не смыть морской волне,
Как камешки на берегу залива.

Стадами ходят тучи над долиной,
Людей лишая разума и сна,
О том, что в сердце у меня весна,
Я поделюсь с подругою-калиной.

Любовь моя, не будь неразделимой!
За слезы счастья все могу отдать…
Зачем, когда на сердце благодать,
Стадами ходят тучи над долиной?

* * *

А тот, кто на чужбине нас порочит,
Пусть будет проклят и забыт навек.
Да будет вечно жить, кто нам пророчит:
Живи и здравствуй, добрый человек!

В отечестве не сыщите пророка.
Под крылышком у власти всяк герой.
Не по своей вине – по воле рока –
Не внемлем здравомыслию порой.

Перевод с даргинского А. БИНКЕВИЧА

* * *

Джигит, ты не горюй о том,
Что солнце в сумерках сокрылось.
Что всеобъемлющим шатром
Над миром бездна тьмы раскрылась.

Омытое росой ночной
Оно опять к утру воспрянет –
Покуда добрый жив герой,
Светило наше тлеть не станет.

Ты, жалкий трус, не веселись,
Что солнце в ночь уходит плавно,
Что в темноте, трясясь за жизнь,
Закроешь плотно дверь и ставни.

А завтра солнце вновь придет,
И люди вновь, на свет взирая,
Увидят: трус в тени ползет,
Миров светило презирая,
Что к цели храбреца ведет,
На вечный подвиг вдохновляя.

* * *

Чем больше ввысь орел взлетает,
Тем я завистливей смотрю.
И думаю, что не бывает
Зла, где я лишь в мечтах парю.

И трелям соловья внимая,
Я счастью радуюсь его.
И думаю, что не бывает
Беды, где песни торжество.

Перевод с даргинского А. КАРДАША

Шабан МАЗАНАЕВ

Духовная лирика Хутхулу Мухаммада

Дагестанский читатель впервые получил возможность познакомиться с творчеством агульского поэта второй половины XIX века Хутхулу Мухаммада. Уроженец агульского села, он создавал свои произведения на тюрки, пользуясь арабской графикой. Нет сомнений, что творил он и на родном, агульском, языке. Но по традиции того времени поэт прибегает к общедоступному языку общения южных народов.

Тексты произведений Хутхулу Мухаммада долгое время хранились у известного лингвиста, профессора Раджудина Идаятовича Гайдарова. Сейчас уникальная рукопись готовится к изданию. Дагестанцам станут известны многие новые имена, а также варианты произведений выдающихся дагестанских поэтов прошлого, включенных в этот сборник. Они стоят рядом со стихами известных восточных поэтов – Физули, Вагифа, Насими, Саидоглы, Саяди. В сборник включены известные лирические шедевры Физули, Вагифа, Эмина, которые соседствуют с текстами, приписываемыми героям легенд, сказаний – Короглы, Эсли, Керима, Ашика Кериба… Фольклорные тексты приводятся наряду с лирикой этих известных и других, совсем доселе неизвестных, авторов. Много в сборнике текстов классиков суфийской лирики на тюркских языках – Ахмеда Ясави, Несими, Юнуса, Эмри…

Хутхулу Мухаммад был не единственным агульским поэтом того периода. В сборнике упоминается имя Усу Чубана и поэта Сефера. Усу Чубан – вероятнее всего, уроженец агульского села Усуг, которое ныне входит в Курахский район. А поэзия Гаджи-Сефера из селения Арсуг хорошо известна, она дошла до наших дней. Рукописные варианты его духовной лирики на арабском языке и на тюрки ходят по рукам.

Хутхулу Мухаммад, представляемый в одном ряду агульских поэтов прошлого – Агул Навруза (17 в.), Абдулгамида из Дурушгула (конец XIX в.), Замира из Рича (начало XX в.), Мешеди из Худига (начало XX в.), следует суфийской философской традиции. Основной мотив включенных в сборник стихотворений – бренность мира и тщетность людской суеты. «Сто двадцать четыре тысячи пророков в этом мире. Разве нам суждено остаться», – вопрошает поэт. Обращаясь ко Всевышнему, лирический герой просит направить его на истинный путь.

Концепция поэта вписывается в русло нравственно-философских исканий его современников. Над его лирикой довлеют философские, религиозные, исторические и эстетические представления того времени. Создавая прекрасные образцы духовной лирики, поэт демонстрирует не только глубокое постижение мусульманской культуры, но и знание светской поэзии. Характерная особенность его лирики, как и многих предшественников и современников, – переплетение реальных и религиозных мотивов. Идеи мусульманского мистицизма, которые проповедует суфийская поэзия, у Хутхулу Мухаммада сочетаются с отрешенностью и аскетизмом. Особенно неприемлем для него культ богатства: «Пророки, ангелы и сподвижники (Аллаха) не желали богатства этого мира», – говорит поэт.

Особую психологическую глубину его лирике придают насыщенные метафоры, символы абстрактных понятий и другие признаки суфийской поэзии. Много раз в его стихах упоминается труба Исрафила, которая возвестит о конце света. Когда «никто не останется в мире бренном». Бренный мир – самый устойчивый образ, который рефреном проходит по всем произведениям Хутхулу Мухаммада. Поэт не раз провозглашает, что бренный мир ему враждебен. Говоря о быстротечной земной жизни, поэт чувствует себя обманутым и покинутым. Человек беспечен, пока не настанет его последний час. И тогда «Мухаммад остался в одиночестве», – скажет поэт. И усиливает эти представления, изображая жизнь человека как испытание грехом.

Греховность человеческой жизни – краеугольный камень философских взглядов любой религии. Искупление греха – главный смысл земной жизни человека в христианской религии. Если в исламе наряду с искуплением греха есть представление о зарабатывании суваба, милости божьей, то в христианстве все действия верующего направлены на то, чтобы искупить грехи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в поэзии Хутхулу Мухаммада так много значения придается необходимости очищения, освобождения духа. Называя себя бедным, обреченным, отрешенным, Мухаммад обращается к Всевышнему: «Вай аман… ты поправь наш иман». В другом стихотворении провозглашаются известные суфийские постулаты: человек умирает, так и не узнав сущности бытия, жизнь на земле изначально грешна, беспечность людей в бренном мире будет наказана, одиночество предопределено…

Духовная лирика Хутхулу Мухаммада нуждается в тщательном изучении. Ее тексты разбросаны в сборниках, ходят по рукам, рукописи переписываются, порою искажаются. Стихи, созданные на тюрки, стали с аджама переписывать кириллической графикой. Переписчики часто ошибаются, вносят свои изменения, усиливая религиозное звучание в ущерб светскому характеру. Среди верующих Хутхулу Мухаммад известен в первую очередь как религиозный деятель, нежели как поэт. Хотелось бы восстановить истинный облик талантливого автора, который, несомненно, был и глубоко верующим человеком и самобытным поэтом. Этому послужит публикация его произведений и их исследование.

На фоторепродукции: рукопись Хутхулу Мухаммада.

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

Балам

(Продолжение. Начало в №№ 2, 3 – 2002 г., 1-3 – 2003 г.)

3. Орел впивается в горло

Развернуть корпус на полоборота влево, ноги полусогнуты в коленях, правая остается на месте, левой сделать широкий шаг на восток. Левый кулак разжать в ладонь и описать круг против часовой стрелки перед собой от пояса к правому плечу, затем одновременно с разворотом корпуса от плеча вперед, рука остается полусогнутой в локте, ладонь направлена вперед, пальцы — вверх, большой палец отставлен, смотреть на кисть левой руки. Не прекращая движения, хватающим жестом сжать левую руку в кулак, развернуть его ребром ладони к себе и резко отвести к поясу. Одновременно развернуть корпус к востоку, а носок правой ноги — вовнутрь, выпрямить правую ногу и полусогнуть в колене левую, перенеся на нее центр тяжести (стойка «гунбу»). В это же время разжать правый кулак в ладонь и выпрямить правую руку от пояса вперед, ребро ладони направлено вперед, пальцы — вверх. Смотреть на кисть правой руки.

Примечание. Отведение левой руки, выпрямление правой и принятие стойки «гунбу» производятся одновременно. При выпрямлении правой руки плечи опущены, корпус слегка наклонен вперед, пальцы на уровне бровей.

4. Стойка «сюйбу» и толчок ладонью

Перенести центр тяжести на правую ногу и полусогнуть ее в колене, оттянуть левую ногу немного назад, носок оттянут и касается земли (стойка «сюйбу»). Одновременно опустить правую руку вниз и отвести ее назад к поясу, ладонь направлена вперед, пальцы — вниз. Левый кулак разжать в ладонь и выпрямить левую руку толчком вперед, ребро ладони направлено вперед, пальцы — вверх. Вслед за отведением правой руки подать корпус назад и слегка развернуть вправо, смотреть на левую ладонь.

Примечание. Вес тела перенести на правую ногу, левая полностью разгружена. Спина при этом остается прямой.

5. Человек, закидывающий за плечо котомку

Левой ногой сделать шаг вперед. Левой рукой описать круг против часовой стрелки через низ к правому плечу, большой палец отставлен, рука полусогнута в локте. Вслед за шагом рука от плеча продолжает движение вперед по дуге. Одновременно с этим правую ладонь сжать в кулак, выпрямить правую руку и отвести ее за спину вниз. Смотреть на кисть левой руки.

Не прекращая движения, хватающим жестом сжать левую ладонь в кулак, развернуть его ребром ладони к себе и резко отвести к поясу. Одновременно правой ногой сделать шаг вперед, вслед за шагом корпус разворачивается к северу, ноги полусогнуть в коленях (стойка «мабу»). Следуя за корпусом, правая рука из-за спины уходит через низ вперед. Затем полусогнуть ее в локте, кулак расположить перед лицом на уровне бровей, ребро ладони направлено влево. Одновременно повернуть голову вправо, смотреть прямо перед собой.

Примечание. Отведение кулака к поясу, широкий шаг правой ногой и выведение правой руки производятся одновременно. Приняв стойку «мабу», правое плечо слегка подать вперед, а левое — назад. Плечи опущены, спина прямая.

6. Лучник натягивает тетиву

Развернуть носок правой ноги и корпус на 180 градусов, правую руку вслед за движением корпуса отвести вправо — назад и вверх, рука полусогнута в локте, ребро ладони направлено вверх. Одновременно левой ногой сделать широкий шаг на восток, принять стойку «мабу». По окончании разворота корпуса выпрямить левую руку от пояса влево. Смотреть на левый кулак.

Примечание. Правый локоть развернут назад, кулак над правым плечом, а не над головой. Левый кулак не выше плеча, плечи слегка отведены назад.

7. Пушечный выстрел из-под крыши

Развернуть носок левой ноги и пятку правой, а вслед за этим и корпус влево, на восток, принять стойку «гунбу». Одновременно с поворотом корпуса левый кулак разжать в ладонь, поставить блок левой рукой передо лбом, рука полусогнута в локте, ладонь направлена вперед, пальцы — вправо. Опустить правую руку к поясу и с разворотом кулака резко выпрямить вперед. Смотреть вперед.

Примечание. В момент постановки блока корпус остается развернутым строго на восток. В блоке ладонь расположить над и впереди головы, а не над правым или левым плечом. Проводя правую руку возле пояса, необходимо развернуть кулак ребром ладони к себе и только после этого выпрямлять руку.

8. Лапа опускающегося дракона

Левой ладонью ударить сверху вниз по запястью правой руки и схватить его, ребро ладони направлено вперед. Немного выпрямить левую ногу и развернуть корпус вправо. Не меняя положения кистей рук, отвести правый кулак вместе с левой рукой вправо возле туловища вниз. Смотреть на левую ладонь.

Не прекращая движения, правой ногой сделать шаг вперед, принять стойку «гунбу». Одновременно развернуть корпус влево, вслед за этим поднять и вывести вперед правый локоть на высоте чуть выше плеча и дальше по дуге придавливающим движением немного вниз. Смотреть на правый локоть.

Примечание. Шаг правой ногой, разворот корпуса и выведение локтя

производятся одновременно. Во время опускания локтя вниз корпус необходимо слегка подать вперед.

9. Монах ударяет в колокол

Выпрямить спину, перенести центр тяжести на левую ногу и выпрямить ее, правой ногой оттолкнуться от земли и поднять ее перед собой, полусогнув в колене.

Подпрыгнуть на левой ноге, в прыжке развернуть корпус на 180 градусов, приземлиться на правую ногу на прежнее место левой ступни.

Приземлившись на правую ногу, опустить на землю левую, принять стойку «мабу». Одновременно разжать левую руку, отпустив правый кулак, завести левую руку под правый локоть и оттуда вывести перед собой по дуге так, чтобы ладонь была направлена вверх. Правую руку поднять вверх из-под левой, провести передо лбом, выпрямить и ударить ею по левой ладони. Смотреть на правый кулак.

Примечание. Разворот корпуса следует выполнять по диагонали. Удар распрямленной рукой по ладони необходимо завершить до окончательного принятия стойки «мабу», а не после. Левую ладонь расположить под правым локтем, левое предплечье прижать к туловищу, локоть направлен вниз. Правый кулак на уровне лба.

10. Вдевание нитки в иголку

Полусогнуть правую руку в локте и отвести ее над левой ладонью к поясу, ребро ладони направлено к себе. Одновременно выпрямить левую руку из-под правой, ладонь направлена вперед, большой палец отставлен. При этом слегка приподняться на ногах, корпус развернуть немного вправо. Смотреть на левую ладонь.

Не прекращая движения, выпрямить от пояса правую руку. Одновременно согнуть левую руку в локте и отвести к правому плечу, большой палец по-прежнему отставлен, ладонь направлена вправо. Вернуть корпус в прежнее положение, принять стойку «мабу». Смотреть на правый кулак.

Примечание. Отведение правого кулака и выведение левой ладони, равно как и выпрямление правой руки и отведение левой, производятся не по очереди, а синхронно. Ладонь выводится на уровне лба, кулак — на уровне плеча.

11. Укладывание стропил

Полусогнуть правую руку в локте, кулак отвести к поясу, ребро ладони прижато к поясу. Левую ладонь сжать в кулак, поставить блок левой рукой — круговое движение против часовой стрелки от правого плеча перед лицом влево, ось вращения — локоть. Одновременно развернуть носок левой ноги и корпус влево, принять стойку «гунбу». Смотреть на левый кулак.

Не прекращая движения, правой ногой сделать шаг вперед, принять стойку «гунбу». Одновременно согнуть левую руку в локте и прижать кулак к поясу. Выпрямить правую руку вперед. Смотреть перед правым кулаком.

Примечание. При постановке блока запястье левой руки должно находиться на уровне лба.

12. Укладывание стропил

Слегка распрямить правую ногу, правой рукой описать круг по часовой стрелке вниз, вдоль живота, перед лицом и направо, ось вращения — локоть. Смотреть на правый кулак.

Не прекращая движения, левой ногой сделать шаг вперед, принять стойку «гунбу». Одновременно согнуть правую руку в локте и отвести к поясу. Выпрямить от пояса левую руку вперед. Смотреть на левый кулак.

13. Золотая подсечка

Слегка распрямить левую ногу, правый кулак разжать в ладонь, выпрямить правую руку вниз и отвести ее назад, вновь согнуть в локте и поднять вверх, провести по дуге над головой. Одновременно с этим развернуть корпус влево, левый кулак разжать в ладонь, согнуть левую руку в локте и поднять ее к груди, расположив перед правой рукой так, чтобы ладони оказались перекрещенными, пальцы направлены вверх. Одновременно со скрещиванием ладоней развернуть левый носок на 45 градусов влево и поднять за спиной правую ногу, согнув ее в колене, носок направлен вниз.

Не прекращая движения, синхронно опустить обе руки вниз, а затем развести по дуге в стороны, пальцы левой руки направлены вверх, ладонь — вперед, рука слегка согнута в локте. Правая кисть принимает положение «клюв журавля» (пять пальцев собраны в щепоть), «клюв» направлен вниз, рука прямая; одновременно выполнить подсечку носком правой ноги по дуге — из-за спины круговым движением немного в сторону, затем вперед и влево вверх. Пронося стопу перед собой, слегка чиркнуть ею по земле. Ногу поднять так, чтобы пятка была на уровне пояса, смотреть прямо перед собой.

Примечание. При выполнении подсечки правую стопу необходимо развернуть вовнутрь, ее внешняя сторона направлена вперед, мышцы стопы напрячь.

14. Наматывание шелковой нитки

Согнуть правую ногу в колене и поднять ее перед собой, разжать «клюв журавля» в ладонь, опустить правую руку вниз, возле живота согнуть в локте, отвести влево и по дуге вверх так, чтобы, находясь перед грудью, ладонь была направлена влево, а пальцы вверх, большой палец отставлен. Одновременно полусогнуть левую руку в локте и отвести ее вверх и вправо от лица, затем по дуге вниз, большой палец отставлен. Перед грудью схватить левой рукой запястье правой. Смотреть на правую ладонь.

Не прекращая движения, правой и левой руками описать круг по часовой стрелке, развернув при этом правую руку ладонью вверх, а ребром ладони к себе. После этого сжать правую руку в кулак и отвести его вместе с левой рукой к поясу. Одновременно с движением рук развернуть корпус вправо и с силой топнуть правой ногой о землю возле левой, а левую в этот момент оторвать от земли и поднять за спиной немного вправо, согнув ногу в колене. Смотреть на правый кулак.

Не прекращая движения, левой ногой сделать шаг влево, принять стойку «мабу». Одновременно разжать левую руку, отвести правый кулак еще дальше назад, к поясу, левую руку сжать в кулак и выпрямить от пояса влево. Смотреть на левый кулак.

Примечание. Опускание правой ноги и отведение правой руки к поясу производятся одновременно. То же касается шага левой ногой и выпрямления левой руки.

15. Сметающая подсечка

Развернуть носок левой ноги в сторону, присесть на левую ногу, а правую выпрямить. Одновременно разжать кулаки и опереться обеими ладонями о землю, нагнувшись к земле вниз вправо. Смотреть на правую стопу.

Не прекращая движения, прямой правой ногой выполнить заднюю подсечку круговым движением по земле. Взглядом следить за правой стопой.

Примечание. При выполнении подсечки пятка правой стопы должна быть приподнята, ось вращения — левый носок. Движение должно быть резким, энергичным, мышцы правой стопы напряжены. В момент начала вращения руки отрываются от земли. Глаза, туловище, руки как бы сопровождают движение правой ноги.

16. Удар молотом из-за плеча

Перенести центр тяжести на правую ногу, развернуть правую пятку вовнутрь, принять стойку «гунбу». Од-

новременно распрямить спину и развернуть корпус вправо. Правую ладонь сжать в кулак и вслед за поворотом корпуса отвести мимо правого колена назад. Левую ладонь сжать в кулак и вслед за поворотом корпуса вынести вперед, выпрямив ее перед собой. Смотреть на левый кулак.

Не прекращая движения, левой рукой описать круг вверх и назад. Правая рука вслед за ней описывает круг — вниз и вперед. Одновременно с вращением рук развернуть корпус влево, смотреть на левый кулак.

Не прекращая движения, продолжать вращение рук. Одновременно развернуть левую пятку вовнутрь, а правую — в сторону. Окончательно распрямить спину и развернуть корпус влево. Принять левостороннюю стойку «гунбу». Правый кулак резко опустить перед собой сверху вниз. Смотреть на правый кулак.

Примечание. Круги необходимо выполнять быстро. Во время удара правой рукой левый кулак отвести к поясу.

17. Человек, ударяющий по мячу

Отвести правую руку к поясу, одновременно левую выпрямить от пояса вперед. В этот момент левая нога остается на месте, правую согнуть в колене, поднести к левой и выполнить пружинящий удар вперед, носок оттянут, смотреть прямо перед собой.

Примечание. Носок необходимо оттянуть еще за спиной, а не во время удара. Удар ногой, выпрямление левой руки и отведение правой производятся одновременно. Левая нога слегка согнута в колене.

18. Неразлучная парочка

Опустить правую ногу перед собой, перенести на нее центр тяжести. Разжать левый кулак в ладонь, ладонь направлена вниз. Одновременно разжать правый кулак в ладонь, выпрямить правую руку от пояса вниз и по дуге вперед. Перед лицом ударить тыльной стороной правой ладони по левой ладони, поднять обе ладони над головой, обе руки немного согнуть в локтях. Во время движения рук поднять левую ногу перед собой. Смотреть вперед.

В этот момент оттолкнуться правой ногой от земли и подпрыгнуть. Находясь в воздухе, оттянуть правый носок и выполнить пружинящий удар, правая ладонь идет навстречу ноге и ударяет по подъему стопы. Левую руку отвести в сторону. Смотреть на правую ногу.

Приземлиться на левую ногу.

Примечание. Хлопок ладонями и поднятие левой ноги производятся одновременно — это помогает подпрыгнуть выше.

19. Человек, колющий дрова

Не прекращая движения, правой ногой сделать шаг назад. Развернуть левую пятку в сторону, а корпус — вправо, на северо-восток. Принять стойку «гунбу». Одновременно с шагом и поворотом корпуса правой рукой описать круг вниз, мимо правой ноги и назад. Левую руку выпрямить вверх. Приняв стойку «гунбу», правую руку, продолжающую движение, поднять по дуге вверх и расположить над и немного впереди головы, рука полусогнута в локте, ладонь направлена вперед, пальцы — влево. Левую руку полусогнуть в локте и опустить ее перед лицом сверху вниз режущим движением и расположить возле правого колена, ладонь направлена вниз. Повернуть голову влево, смотреть на северо-запад.

Примечание. Шаг ногой, разворот корпуса, движения руками вверх и вниз производятся согласованно, одно за другим и завершаются вместе.

20. Монах связывает тигра

Опустить правую руку к левому плечу и обхватить себя за плечо, локоть опущен вниз. Одновременно сжать левую ладонь в кулак и описать левой рукой круг по часовой стрелке вниз и влево, руку слегка согнуть в локте. Немного выпрямить правую ногу, вслед за этим развернуть корпус влево, смотреть на левый кулак.

Не прекращая движения, левой рукой продолжать круг назад и вверх, туловище, следуя за движением левой руки, еще больше выпрямляется. Одновременно с этим выпрямить обе ноги, правой ногой сделать шаг влево за спиной так, чтобы ноги оказались скрещенными. Правая рука остается на левом плече, глаза следят за движениями левого кулака.

Не прекращая движения, левой ногой сделать шаг в сторону, ноги полусогнуть в коленях, развернуть корпус к северу, центр тяжести главным образом на правой ноге. Одновременно с разворотом корпуса развернуть левый кулак ребром ладони вправо, придавливающим движением опустить левый локоть вниз, локоть направлен вниз, кулак на уровне бровей, смотреть вперед.

Примечание. Опускание локтя и сгибание ног следует рассматривать как единое движение. В этом случае прием приобретает дополнительную энергию. Корпус слегка подать вперед.

21. Лучник натягивает тетиву

Продолжая предыдущее движение, согнуть левую руку в локте и отвести кулак к правому плечу, ребро ладони прижать к плечу. Развернуть правую пятку в сторону, принять левостороннюю стойку «гунбу», корпус развернуть влево, на запад. Одновременно с отведением кулака и разворотом корпуса сжать правую ладонь в кулак, вывести правую руку из-под левой вперед и поднять вверх, поставив блок, рука полусогнута в локте.

Не прекращая движения, развернуть пятку правой ноги вовнутрь и корпус вправо, принять стойку «мабу». Одновременно расположить правую руку над правым плечом, ребро ладони направлено вверх. Выпрямить левую руку от правого плеча влево. Смотреть на левый кулак.

22. Упрямая птица «луань»

Развернуть носок левой и пятку правой ноги против часовой стрелки, а корпус влево, принять левостороннюю стойку «гунбу». Одновременно разжать левый кулак в ладонь, поднять левую руку вверх и поставить блок, расположив ее спереди над головой, ладонь направлена вперед, пальцы — вправо. Правую руку полностью согнуть в локте и вывести локоть вперед так, чтобы правый кулак оказался возле левой стороны груди. Смотреть вперед.

Примечание. Во время разворота положение левой руки относительно корпуса не меняется.

23. Монах ударяет в колокол

Выпрямить левую ногу, правую ногу приставить к левой. Одновременно опустить левую руку вниз, прикрыв снизу ладонью правый локоть, пальцы по-прежнему направлены вправо, ладонь — вниз. Выпрямить правую руку по дуге вверх, ось вращения — локоть, затем опустить распрямленную руку вниз и ударить ею по ладони левой руки, которую к этому моменту развернуть ладонью вверх и расположить под правым локтем. Смотреть на правый кулак.

Примечание. Правый кулак на уровне лба. Ноги вместе, спина прямая, корпус слегка подать вперед.

24. Вдевание нитки в иголку

Корпус подать слегка назад, выпрямить из-под правой левую руку, большой палец отставлен, рука развернута ладонью вперед. Одновременно согнуть правую руку в локте и отвести назад к поясу. Вместе с этим согнуть правую ногу в колене и поднять ее перед собой. Смотреть на левую ладонь.

Не прекращая движения, опустить правую ногу на землю впереди себя, развернуть корпус влево, на юг, принять стойку «мабу». Одновременно прижать большой палец левой руки к ладони, согнуть левую руку в локте,

отвести ее над головой влево и расположить над левым плечом, пальцы направлены вправо, ладонь — вперед; правую руку выпрямить вправо с разворотом кулака. Смотреть на правый кулак.

Примечание. Отведение левой руки и выпрямление производится одновременно, чтобы придать больше энергии правой руке.

25. Монах распахивает ворота

Выпрямить обе ноги, согнуть левую в колене и поднять ее перед собой, носок оттянут. Одновременно разжать правый кулак в ладонь, поднять прямую руку вверх и обеими руками с раскрытыми ладонями описать дуги сверху вниз за спину. Ладони рук направлены друг к другу.

Не прекращая движения, согнуть обе руки в локте вдоль туловища, вперед и по дуге вверх к ушам, пальцы направлены назад. Корпус слегка подать назад.

Не прекращая движения, вывести руки из-за головы вниз и расположить возле плеч. Выпрямить спину, левую ногу опустить на землю впереди себя, принять стойку «гунбу». Одновременно с принятием стойки толчком выпрямить обе руки вперед, ребра ладоней направлены вперед, пальцы — вверх.

Примечание. Отведя руки за спину, следует расположить их под углом 45 градусов к туловищу. Во время толчка руками пальцы должны быть на уровне бровей, расстояние между ладонями равно ширине плеч.

26. Стойка «сюйбу» и защита ладонями

Развести руки в стороны так, чтобы ладони были направлены вверх, опустить прямые руки вниз и по дуге отвести назад. Одновременно перенести центр тяжести на левую ногу, оторвать правую от земли и поднять ее за спиной, зацепив правым носком за голень левой ноги.

Не прекращая движения, опустить правую ногу на землю вправо, развернуть правый носок на юго-восток, а вслед за этим и корпус влево на 45 градусов, принять стойку «сюйбу». Одновременно руками описать круги из-за спины вверх, над головой и вперед, расположить ладони перед собой, руки слегка согнуты в локтях. Правая ладонь возле левого локтя, пальцы направлены вверх, ребра ладоней — вперед. Смотреть перед собой.

Примечание. Левую ладонь следует расположить на высоте бровей, правую — на уровне подбородка. Плечи опущены, локти направлены вниз.

27. Ноги вместе, кулаки у пояса

Поднести левую ногу к правой, выпрямить обе ноги, развернуть корпус к югу. Одновременно сжать обе ладони в кулаки, согнуть руки в локтях и поднять кулаки к поясу. Смотреть влево.

28. Возвращение в исходное положение

Разжать кулаки в ладони, опустить руки вдоль туловища, голову повернуть вправо, смотреть вперед.

НЕМНОГО МЕДИЦИНЫ

Первым вашим ощущением от занятий ушу наверняка будет приятное утомление, радость владения собственным телом, бодрость духа, уверенность в себе и даже, быть может, желание продолжить тренировки. А это уже не так мало. Но воздействие традиционной китайской гимнастики на человеческий организм более глубокое, о чем хотелось бы сказать несколько слов. Оздоровительный аспект присутствовал в ушу всегда. Со времени же отделения ушу-спорта от чисто боевого искусства укрепление здоровья стало одной из ее основных функций.

Пожалуй, главное преимущество ушу состоит в том, что в ее упражнениях задействованы практически все мышечные группы и системы организма; это обеспечивает гармоничное физическое развитие человека. Судите сами. Статические и динамические упражнения ушу положительно влияют на дееспособность и подвижность суставов, развивают связочный аппарат, увеличивают мышечную силу, повышают выносливость организма. Регулярные тренировки постепенно прививают привычку правильно дышать. Высокий темп, рваный ритм комплексов, большая амплитуда движений — все это предъявляет к дыхательной системе особые требования. Соблюдение их способствует увеличению объема легких. Кроме того, глубокое диафрагмальное дыхание обеспечивает массаж внутренних органов и улучшает кровообращение в органах малого таза.

Обилие выпадов, отступлений, уходов в сторону помогает развить быстроту движений, реакцию и ловкость. С другой стороны, частая смена состояний движения и покоя делает человека более уравновешенным в повседневной жизни, позволяет лучше контролировать свои чувства. Благотворное влияние на нервную систему оказывает и необходимость сосредоточивать внимание при выполнении упражнений — без этого невозможно достичь хорошей координации движений и до конца прочувствовать внутреннюю логику комплекса!

Регулярные занятия ушу укрепляют сердечно-сосудистую систему. Исследования китайских ученых показали, что у занимающихся гимнастикой сердечная мышца толще. Такое сердце, как известно, при каждом сокращении выталкивает больше крови; если резко прекратить упражнение, нормальный ритм его работы восстанавливается очень быстро.

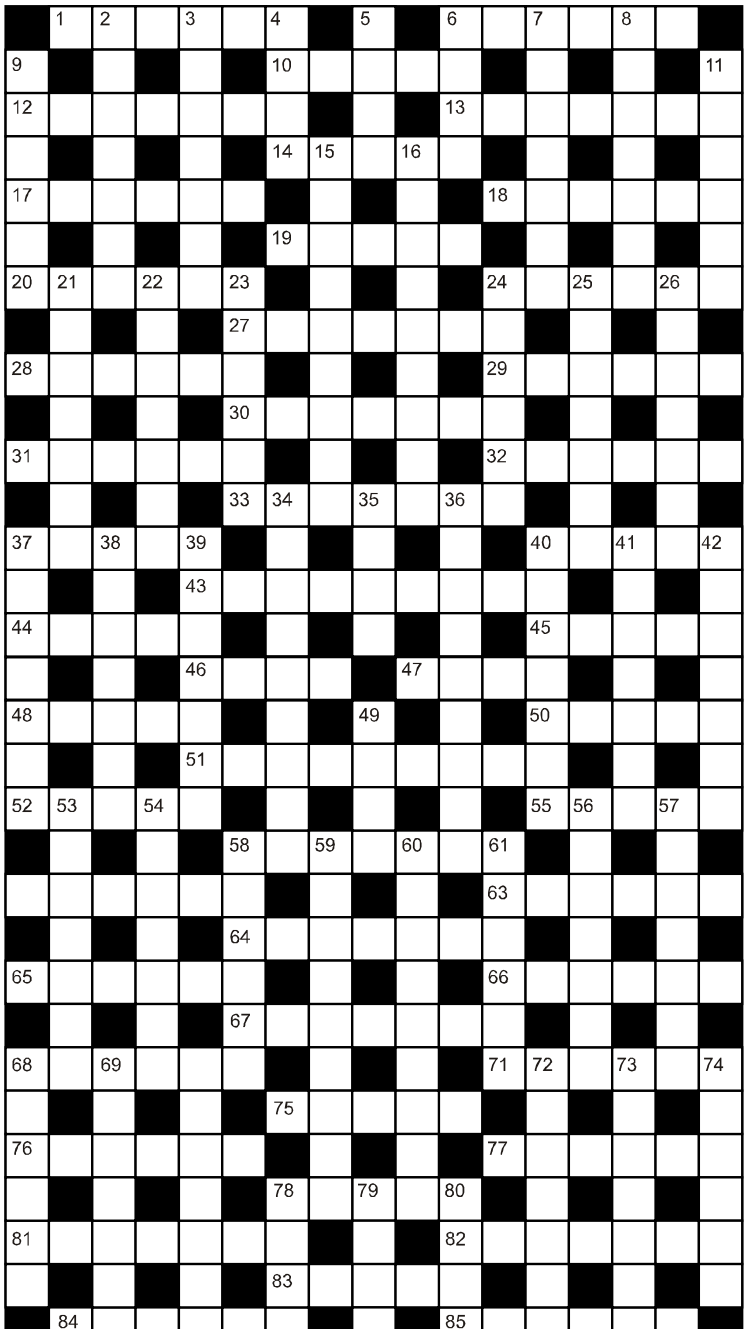
Как и любым другим видом спорта, начинать заниматься ушу лучше всего с детства, когда суставы еще очень подвижны, а мышцы — эластичны. В процессе систематических тренировок ребята быстро прибавляют в росте и весе. Более того, китайские специалисты утверждают, что ушу позволяет добиться больших успехов в учебе. Помимо этого, «воинские искусства» развивают в детях такие необходимые в жизни качества, как мужество, воля, упорство.

Однако ушу поистине покорны все возрасты. Нужно только установить разумную нагрузку. В Китае говорят: «Ежедневные занятия ушу избавят вас от нужды обращаться к лекарствам». Примеры из жизни доказывают, что эти слова – истина. Большинство из тех энтузиастов ушу, с которыми мне довелось общаться в Китае, с малолетства вообще не знают, что такое хворь. Завидным здоровьем и долголетием обязан этому удивительному явлению буддийский монах Хайдэн, который при помощи упорных тренировок из слабого болезненного мальчика превратился в непревзойденного мастера. В восьмидесятилетнем возрасте он без труда выполнял стойку на двух пальцах. А почтенный старец Лю Чжицин завоевал золотую медаль Всекитайского первенства в упражнениях с большим мечом, когда ему было ни много ни мало девяносто лет. Разумеется, никто не сможет гарантировать вам повторение успехов Хайдэна и Лю Чжицина. Но в том, что ушу способна прибавить здоровья и бодрости, сомнений нет.

Одним словом, заниматься гимнастикой ушу могут все желающие независимо от возраста, пола и физических данных, в любое время года, в любой час и в любую погоду, в одиночку, парами и группами, как со снарядами, так и без них. К месту занятий никаких особых требований не предъявляется.

(Продолжение следует.)

КРОССВОРД



По горизонтали:

1. Что делает с трассой грейдер? **2.** Имя героини лакского эпоса. **10.** Страна гор – это Дагестан, а самоназвание страны озер –… **12.** Маленький топор, но не томагавк. **13.** Была у Тимура, которого знает старшее поколение. **14.** Быть в этом у начальника – хуже некуда. **17.** У нас – Тюлений. **18.** Очень продолжительный отпуск только для женщин. **19.** Священный человек для горцев. **20.** Автор сказки «Волшебник Изумрудного города», который не совсем автор. **24.** Одно из морских млекопитающих, которые, как известно, в Каспии не водятся. **27.** Наряд бомжей. **28.** Имя отца великого полководца, как-то заглянувшего в Дербент. **29.** Денежная единица государства. **30.** Гончарство для классического балхарца. **31.** Настольная игра, заметно уступающая по популярности в Дагестане нардам. **32.** После русского и родного, третий по значимости язык для наших фармацевтов. **33.** Махачкала I по своей сути. **37.** Народный поэт Белоруссии. **40.** Вопреки расхожему мнению, слаще от произношения этого слова не станет. **43.** Знаменитый тенор, который внешне вполне сошел бы за дагестанца. **44.** Цель всех стараний предпринимателя. **45.** Если выбирать из двух зол, то пусть уж лучше в море плавают отходы человеческой жизнедеятельности, чем он. **46.** Видима разве только экстрасенсам. **47.** Село в Табасаранском районе. **48.** Фаворит императрицы с «горской» фамилией. **50.** Пернатое из семейства ржанкообразных. **51.** Российский физик, академик РАН. **52.** Бывает классная, шахматная, мемориальная и почетная. **55.** Морской курорт на Северном Кавказе. **58.** Последняя надежда подозреваемого. **62.** «Устаревший» школьник. **63.** Последователи индуизма (мн. ч.). **64.** Во что превращается разговор, если собеседник говорит взахлеб. **65.** Составная часть содержания нашего журнала. **66.** Наряду с Жюль Верном и Жорж Санд, самый издаваемый дагестанским книжным издательством француз. **67.** Процесс наполнения воздухом футбольного мяча. **68.** Теряющий популярность в Дагестане вид восточного единоборства. **71.** Этот недуг можно приобрести, оплачивая коммунальные услуги. **75.** Совокупность растений. **76.** Тонкий лист древесины, часто упоминающийся в отношении того или иного эстрадного исполнителя. **77.** Необходима, чтобы дело шло как по маслу. **78.** Стоматологическая поликлиника в Махачкале. **81.** Здесь находится город-побратим Махачкалы – Спокан. **82.** Нужен, когда хочешь забить. **83.** Непривычный для посетившего Москву дагестанца вид общественного транспорта. **84.** Ее пачкаешь, а она терпит. **85.** В паровом котле – предохранительный.

По вертикали:

2. Значительная сумма денег. **3.** Столица второго Болгарского царства. **4.** Известная страховая компания. **5.** Мы за ней гонимся, а она пищит. **6.** Колющее оружие. На вооружении дагестанцев не состояло. **7.** Краска, приготовленная на яичном желтке. **8.** Наверно, второй по популярности дагестанец, после Расула Гамзатова. **9.** Прежний спикер Совета Федерации. **11.** Мы вспоминаем о муках этого грека, когда «и видит око, да зуб неймет». **15.** Бывает телевизионная, компьютерная, экономическая. Бывает максимум и минимум. **16.** Самый известный на Руси – Нестор. **21.** Река в Южной Америке. **22.** В Дагестане ее воспринимают в штыки. А зря: здоровая – она полезна. **23.** «Инструмент» журналиста в интервью. **24.** Ее особенно не любят свободолюбивые горцы. **25.** Известна больше русская. **26.** Кумир эстрады 80-х. **34.** Знает толк в товарах, не хуже хозяйки. **35.** Койкоместо зэков. **36.** Большая плакса. **37.** Самолет, с которым все никак не распрощаются. **38.** И дон Жуан, и Ржевский, и Джеймс Бонд. **39.** Чтобы что-то у нас получить, надо ее представить. **40.** Школьная преподавательница с пробиркой. **41.** Можно найти в законах и заборах. **42.** Коленце в балете. **49.** Муза Булача Гаджиева. **53.** Проба авто. **54.** Дверца в воротах. **56.** Этим грешат в наших пивных. **57.** Французский импрессионист. **58.** Кавказский народ, не уступающий нам в остроумии. **59.** Одна из доходных статей Дагестана. **60.** Старший собрат сверла. **61.** «Кошачье» армянское имя. **68.** У горцев – черкеска, у славян – … **69.** «Культурный» синоним события, называемого на слэнге молодежи «стрелкой». **70.** Вручила ключи Буратино. **72.** Маленькая круглая шапочка. **73.** Выход в сеть. Не в компьютерную. **74.** Антагонист Незнайки. **78.** Стихотворение Расула Гамзатова. **79.** Как правило – супружеская. **80.** Новелла Стефана Цвейга.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3.

По горизонтали: **1.** Борьба. **7.** Одесса. **11.** Миллион. **12.** Родина. **13.** Тутмос. **14.** Толстой. **15.** Школа. **17.** Утиль. **19.** Агент. **20.** Верхи. **22.** Коляда. **24.** Ошибка. **25.** Очистка. **26.** Атташе. **30.** Печень. **33.** Ненависть. **34.** Письмо. **35.** Ендова. **36.** Трос. **39.** Якир. **44.** Вор. **48.** Лакомство. **49.** Медведица. **50.** Бра. **51.** Макаренко. **52.** Равенство. **53.** Док. **56.** Чача. **58.** Аида. **63.** Эвенки. **65.** Доллар. **66.** Брегвадзе. **67.** Эскимо. **70.** Новруз. **74.** Горилла. **75.** Колесо. **77.** Ранжир. **78.** Осоед. **79.** Игрун. **80.** Свара. **82.** Огюст. **84.** Шампунь. **86.** Ахтуба. **87.** Отруби. **88.** Никулин. **89.** Варвар. **90.** Январь.

По вертикали: **1.** Буря. **2.** Радикулит. **3.** Бангладеш. **4.** Мирошниченко. **5.** Класс. **6.** Новочеркасск. **8.** Двустишие. **9.** Самолюбие. **10.** Аист. **16.** Ага. **17.** Ухо. **18.** Икра. **21.** Мать. **23.** Ксива. **27.** Тмин. **28.** Альт. **29.** Енот. **30.** Пьер. **31.** Чадо. **32.** Нива. **37.** Ротонда. **38.** Свобода. **39.** Ярмарка. **40.** Индивид. **41.** Ялама. **42.** Скука. **43.** Смерч. **45.** Песня. **46.** Диета. **47.** Газон. **54.** Квас. **55.** Янки. **56.** «Чибо». **57.** Чревовещание. **59.** Индульгенция. **60.** Аден. **61.** Плов. **62.** Тату. **64.** Иврит. **67.** «Эмка». **68.** Кильватер. **69.** Мясорубка. **71.** Орангутан. **72.** Режиссура. **73.** Заря. **76.** Оса. **77.** Руо. **81.** «Спрут». **83.** Гаев. **85.** Тишь.

В Москве состоялась премьера оперы Ширвани Чалаева «Хаджи-Мурат».
Читайте на страницах 14-15.

В один из дней прошедшей осени в зале Дагестанской филармонии в Махачкале состоялся концерт, который никого из присутствующих (а зал был полон) не оставил равнодушным. Неизменная ведущая такого рода музыкальных вечеров Ирина Нахтигаль в свойственной ей безукоризненной манере компетентной и доброжелательной хозяйки представила публике юного (17 лет) скрипача — Абдулу Саидова, обучающегося в училище при Московской консерватории, стипендиата Госсовета РД и фонда Владимира Спивакова. Художественный руководитель филармонии пообещала, что слушатели не обманутся в своих ожиданиях, несмотря на его возраст.

Так и произошло. Бах, Паганини, Сарасате, Баццини, Бетховен прозвучали в исполнении дагестанского студента замечательно, чему немало способствовало музыкальное сопровождение народной артистки Дагестана пианистки Зарифы Абдуллаевой и камерного оркестра Даггосфилармонии под управлением заслуженного деятеля искусств РД Станислава Хржановского.

Богата талантами наша республика. И, слава богу — не только в спорте. Можно с уверенностью сказать, что «лауреат международных конкурсов» — далеко не последнее почетное звание молодого дагестанского музыканта.

На фото: Абдула Саидов после концерта.